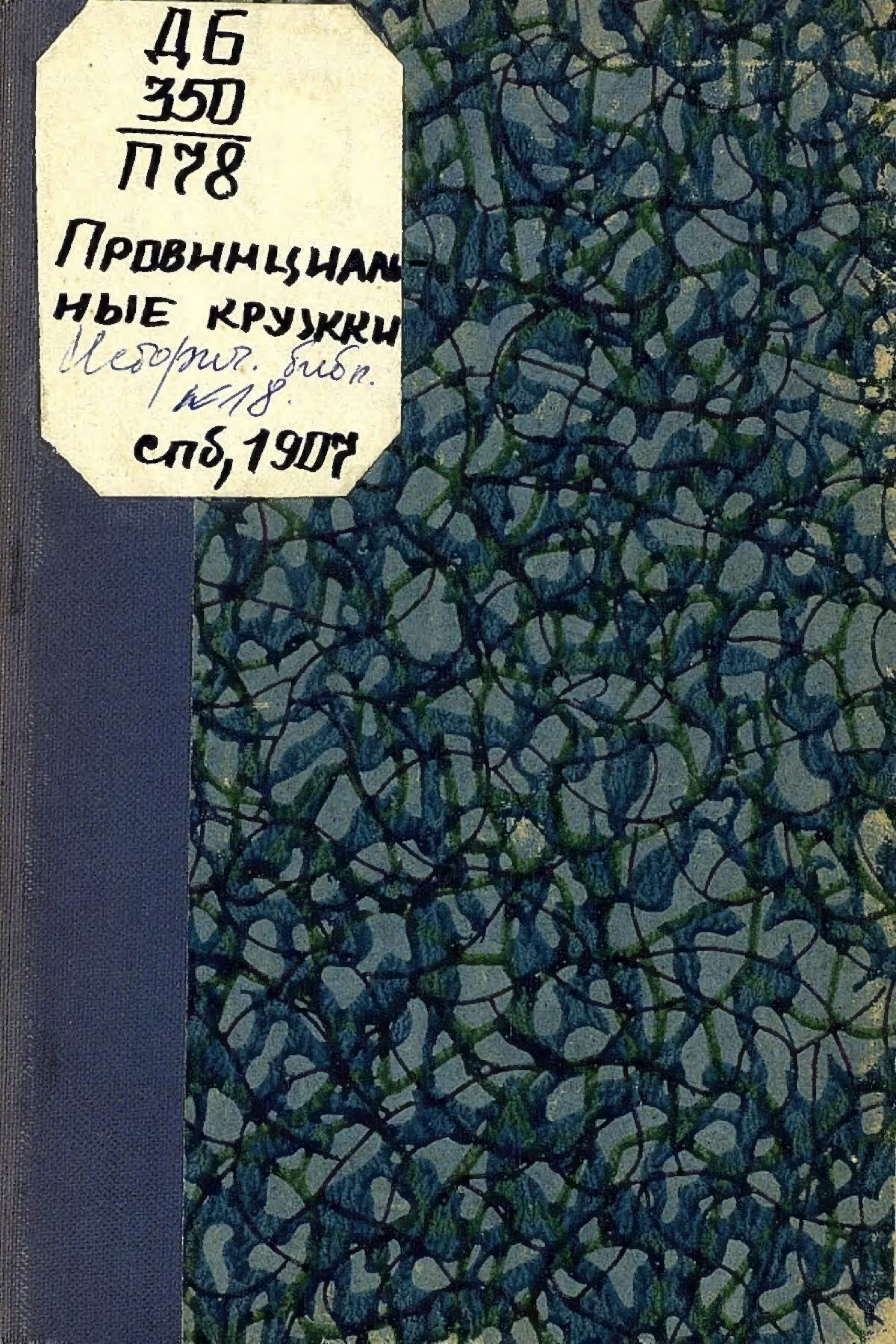
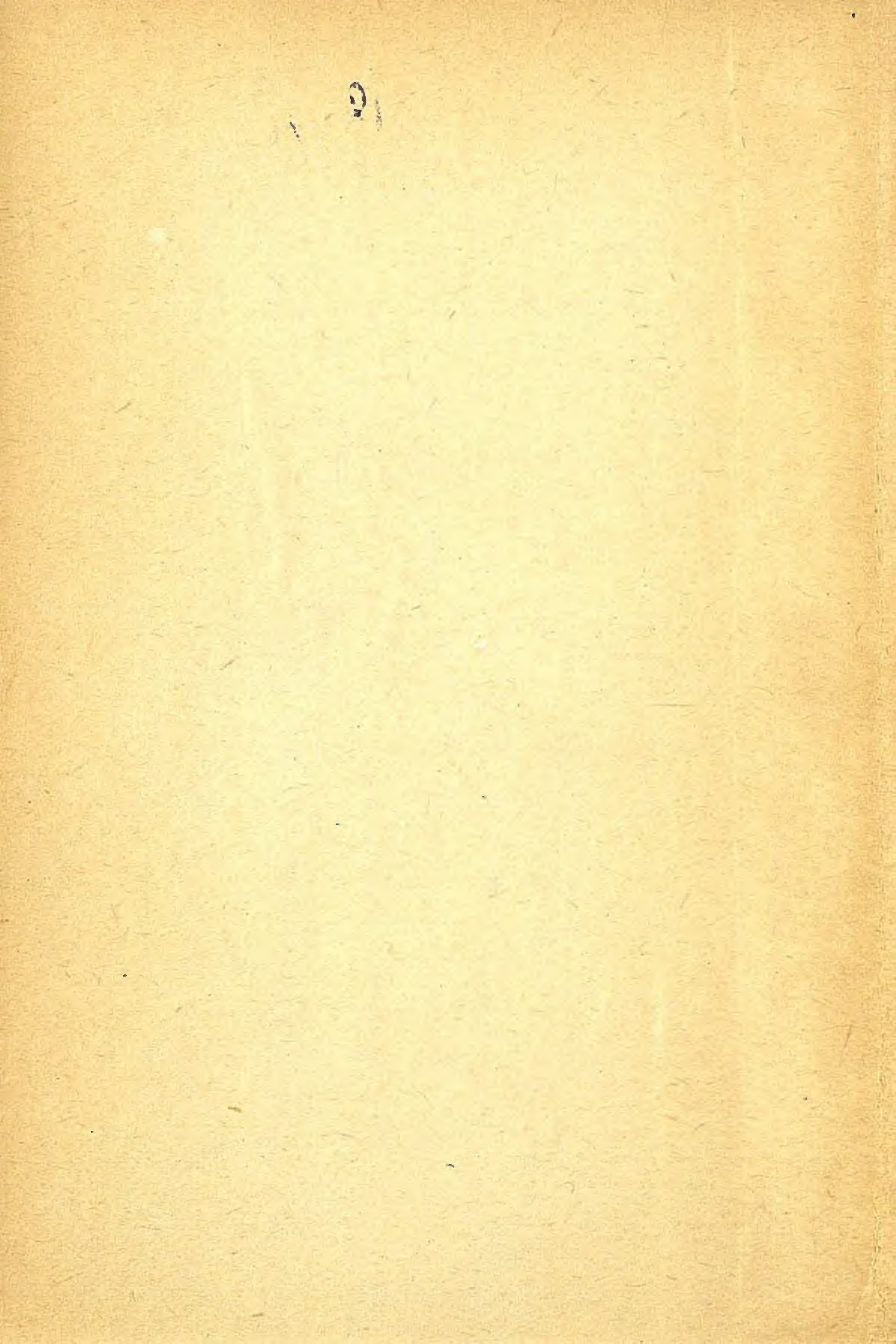

ДБ
350
П78
Провинциальные кружки
Историч. библ.
№ 18.
спб, 1907

Выпуски 67—68.

Политич., историч. и попул.-научная „БИБЛІОТЕКА для САМОРАЗВИТІЯ“.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Выпускъ 17-й.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ КРУЖКИ 1873—1874 ГГ. И МОСКОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ 1875 ГОДА.

Выпускъ 18-й.

„Троглодиты“. „Земля и Воля“.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

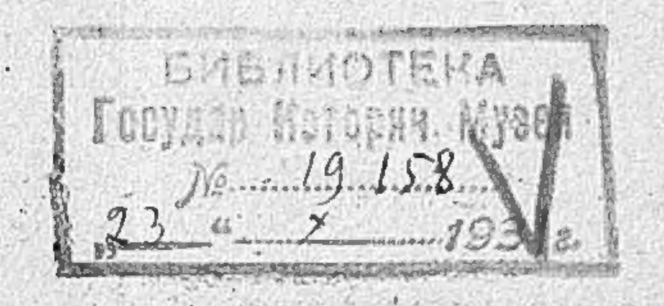
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

Е. Я. СТРАХОВЪ

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ КРУЖКИ 1873—1874 гг. И МОСКОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ 1875 ГОДА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
подъ редакціей
С. М. Проппера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., д. № 40.
1907.

I.

«Измѣнники»: Низовкинъ, Рабиновичъ, Трудницкій, Гориновичъ, Идалія Польгеймъ, Ларіоновъ. — Романъ Ларіонова.—Старые грѣхи Ларіонова. — Дробышъ-Дробышевскій и его разоблаченія. — Смирновъ. — Побѣгъ Ходько.—Трезвинскій и его дѣятельность.—Черниговскій кружокъ и Божко-Божинскій.

Послѣ Петербурга и Москвы самымъ значительнымъ центромъ революціонной дѣятельности былъ Кіевъ, гдѣ дѣйствовали: Каблицъ, Брешко-Брешковская, Дебогорій-Мокріевичъ, Стефановичъ и другіе столпы движенія 70-хъ гг. Въ Кіевѣ дѣйствовала «кіевская коммуна», которая замѣчательна тѣмъ, что изъ ея среды вышли три человѣка, выдавшіе на слѣдствіи многихъ товарищей: Гориновичъ, Ларіоновъ и Польгеймъ.

«Измѣнники»—особая категорія пропагандистовъ 70-хъ годовъ. Въ большинствѣ случаевъ это были люди, хотя и энергичные, но игравшіе второстепенную роль въ дѣятельности кружковъ, люди, не съумѣвшіе или не успѣвшіе выработать себѣ прочнаго міровоззрѣнія и нравственныхъ устоевъ. Попавъ въ руки жандармовъ и находясь въ одиночномъ заключеніи, быть можетъ, подъ вліяніемъ угрозъ или обѣщаній, они начинали «каяться», доказывать свою благонамѣренность и благонадежность, разыгрывать роль невинныхъ жертвъ, вовлеченныхъ революціонерами въ ихъ преступную дѣятельность по неопытности или

по малолѣтству. Попутно они разсказывали все, что только имъ было извѣстно, про дѣятельность различныхъ лицъ, чѣмъ и объясняются, какъ аресты цѣлой массы лицъ, мало причастныхъ къ движенію, такъ и составленіе длиннаго списка лицъ, игравшихъ болѣе видную роль, но успѣвшихъ скрыться.

Такъ, разгромъ петербургскихъ «чайковцевъ» въ концѣ 1873 и первыхъ мѣсяцевъ 1874 г. объясняется, главнымъ образомъ, разоблаченіями Александра Низовкина. У него явилась какая-то манія выдачъ, и даже чины, производившіе дознаніе, пытались отдѣлаться отъ него подъ благовиднымъ предлогомъ, такъ какъ, выдавъ все, ему извѣстное, онъ утруждалъ начальство излишними подробностями и деталями, не имѣвшими значенія для дѣла. Сенатъ, во вниманіе къ его полному, съ раскаяніемъ, чистосердечному сознанію и указанію на многихъ изъ сообщниковъ, постановилъ освободить его отъ всякаго наказанія.

Несомнѣнно больше вреда, чѣмъ Низовкинъ, принесъ пропагандистамъ Моисей Рабиновичъ, непосредственный помощникъ Лермонтова и Ковалика. И онъ многихъ выдалъ, многихъ компрометировалъ, но имъ руководили мотивы другіе, чѣмъ Низовкинымъ. Страдая большимъ самомнѣніемъ и слишкомъ цѣня свои способности и таланты, онъ рѣшилъ, что такая крупная сила, какъ онъ, не должна пропадать даромъ для революціи. Онъ рѣшилъ надуть жандармовъ. Выдавая товарищей, и безъ того уже, по его мнѣнію, достаточно компрометированныхъ и погибшихъ, онъ надѣялся купить себѣ свободу съ тѣмъ, чтобы, выйдя на волю, продолжать революціонную дѣятельность. Ему не удалось достигнуть своей цѣли, жандармы не вполнѣ повѣрили въ искренность его признаній, и Рабиновичъ оставался въ

тюрьмѣ. Тогда имъ овладѣло раскаяніе и на одномъ изъ своеобразныхъ митинговъ, устраивавшихся обвиняемыми по дѣлу «193-хъ» въ домѣ предварительнаго заключенія, онъ принесъ публичное покаяніе въ своихъ прегрѣшеніяхъ и былъ торжественно прощенъ товарищами. Весьма возможно, что поступки Рабиновича объясняются ненормальностью его психики. Сосланный въ Иркутскую губернію, онъ тамъ окончательно сошелъ съума и умеръ.

Еще болѣе сложный и неуравновѣшенный типъ представляетъ собою «предатель сенъ-жебунистовъ», Георгій Трудницкій. Благодаря его указаніямъ, были арестованы почти всѣ одесскіе пропагандисты, о дѣятельности которыхъ власти не имѣли никакого представленія. Трудницкій самъ принадлежалъ къ числу «сенъ-жебунистовъ», съ которыми сошелся еще въ Швейцаріи и принялъ ихъ мирную программу, стремиться къ поднятію среди народныхъ массъ сельскохозяйственной культуры, къ распространенію просвѣщенія. Лучшимъ доказательствомъ искренности его убѣжденій служитъ тотъ фактъ, что, по первому требованію товарищей, онъ сейчасъ же продалъ свое имѣніе съ тѣмъ, чтобы на вырученныя деньги пріобрѣсти нѣсколько небольшихъ участковъ земли и устроить тамъ образцовыя фермы. Онъ былъ солидаренъ вполнѣ съ «сенъ-жебунистами» до тѣхъ поръ, пока они не измѣнили окончательно своей программы. Когда онъ убѣдился, что его товарищи желаютъ вызвать возстаніе, Трудницкій, убѣжденный противникъ революціи, возъимѣлъ мысль потушить пламя, заявивъ правительству о планахъ своихъ бывшихъ товарищей. Онъ рѣшилъ дождаться суда, подтвердить и разъяснить всѣ свои показанія и лишить себя жизни, такъ какъ мысль прослыть предателемъ и измѣнникомъ сильно удручала его. Однако, Трудницкій

не выдержалъ нравственныхъ мученій и въ порывѣ отчаянія, не дождавшись суда, лишилъ себя жизни весною 1876 г. Передъ смертью онъ изложилъ письменно исторію своихъ ошибокъ и страданій.

Ларіоновъ, Польгеймъ и Гориновичъ—натуры жалкія и низменныя. По словамъ Дебогорій-Мокріевича, они попали въ «кіевскую коммуну» прямо по недоразумѣнію.

«Тамъ можно было поселиться и жить чуть-ли не всякому, — пишетъ Дебогорій-Мокріевичъ,—для этого было достаточно простое знакомство съ кѣмъ-либо изъ жившихъ тамъ. Рекомендацій ни отъ кого не требовалось. Благодаря такимъ условіямъ, въ «коммуну» проникли въ 1874 году сначала Ларіоновъ и Польгеймъ, а затѣмъ и Горииовичъ. Эти три человѣка жестоко отплатили впослѣдствіи за то гостепріимство, которое было оказано имъ въ «коммунѣ».

«Будучи арестованы, они выдали всѣхъ, кого только тамъ встрѣчали, и дали не мало показаній, компрометировавшихъ другихъ... «Коммуна» была наказана за свою неорганизованность, но, строго говоря, обвинять за то, что туда попалъ Ларіоновъ, такъ же было бы некого, какъ некого, въ частности, обвинять за тѣхъ мошенниковъ, которые существуютъ, вообще, на свѣтѣ».

Самъ Ларіоновъ такъ объяснялъ свое поступленіе въ «коммуну». Онъ жилъ въ с. Верхнемъ, Кіевской губ., куда къ нему явились Фишеръ и Дебогорій-Мокріевичъ и прямо предложили ему принять участіе въ ихъ дѣлѣ, то есть «въ сообществѣ, составившемся для борьбы за народное дѣло путемъ пропаганды въ народѣ соціально-революціонныхъ идей». Они утверждали, что ихъ общество располагаетъ большими силами и значительными денежными средствами на веденіе пропаганды.

Ларіоновъ далъ себя уговорить, отправился въ Кіевъ и поселился въ «коммунѣ», адресъ которой былъ данъ ему Дебогорій-Мокріевичемъ. Вскорѣ онъ сталъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей «коммуны»: изготовлялъ фальшивые паспорта, выдѣлывалъ печати, вербовалъ новыхъ членовъ. Въ руки властей попало нѣсколько писемъ Ларіонова, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько ревностно онъ увлекался идеями кіевскаго кружка:

«Мнѣ, одному изъ смертныхъ,—писалъ Ларіоновъ въ одномъ письмѣ,—пришлось, дѣйствительно, обрѣсти уголокъ этого рая, это полное дивнаго огня правды и честности дѣло (понимай сію аллегорію)... Извѣстные тебѣ новые люди оказались, конечно, людьми такими же, какъ и всякій смертный, хотя, впрочемъ, между ними есть бойцы, которымъ я съ удовольствіемъ пожму всегда руку. Весело кажется будущее, хотя я не ручаюсь за особенно радостный исходъ его, по крайней мѣрѣ, для насъ...

«Я не могу самъ теперь ничего написать тебѣ про извѣстное, въ настоящую минуту слившееся съ моимъ существованіемъ дѣло. Для этого нужно перечитать тебѣ все, посѣянное представителями русской заграничной вольной прессы... Въ будущемъ я не откажусь помазать тебя міромъ посвященія, конечно, если получу убѣжденіе, что ты съ теплою вѣрою послушаешь моего глагола, не яко Іуда и предатель, а какъ другъ, братъ, а, главное, человѣкъ». Сути письма не сообщать никому».

Въ другомъ письмѣ Ларіоновъ писалъ:

«Прошу васъ не скорбѣть относительно того, что я оппозиторъ начала собственности... Мы далеко не реформаторы, а только должны быть работниками. До того золотого періода намъ не дожить, а, слѣдовательно, попусту спорить съ ва-

ми было бы нелѣпо. Скажу прямо: цѣль моя—общее благо, доктрина—отрицательное начало (отрицать все зло и стремиться къ уничтоженію его), а убѣжденія—всегда, вездѣ и во всемъ быть честнымъ».

Ларіоновъ обладалъ не только высокимъ слогомъ, но и богатою фантазіею, и былъ большой прожектеръ. Онъ собирался поступить въ волостные писаря съ цѣлью завладѣть бланками паспортовъ и деньгами, составлялъ проекты ограбленія почты, думалъ отравить одного курскаго помѣщика и овладѣть его деньгами въ цѣляхъ доставленія средствъ общинѣ и т. д.

Въ «коммунѣ» Ларіоновъ познакомился съ Идаліею Польгеймъ, съ которою завязалъ романъ. Польгеймъ была, повидимому, попросту искательница приключеній. Она бѣжала изъ родительскаго дома, изъ Каменецъ-Подольска въ Кіевъ, вслѣдствіе дурного обращенія съ нею мачихи. Въ дорогѣ она познакомилась случайно съ Аксельроде, который тутъ же сообщилъ ей, что въ Кіевѣ составился кружокъ молодежи, поставившій своею задачею произвести въ Россіи переворотъ и улучшить положеніе низшаго класса населенія. Поступивъ въ «коммуну», Польгеймъ увѣряла впослѣдствіи, что она хотѣла порвать тяготившую ее связь съ Ларіоновымъ, но «коммуна» настолько высоко цѣнила дѣятельность Ларіонова, что упросила ее принести себя въ жертву обществу. Она уступила этимъ просьбамъ и отдалась Ларіонову, не любя его.

Въ другой разъ члены «коммуны»: Фростъ и Стропскій, вмѣстѣ съ Ларіоновымъ, убѣждали будто бы Польгеймъ сдѣлаться любовницею какого-то курскаго помѣщика, обобрать его, отравить и деньги доставить кружку. Впрочемъ, участіе Польгеймъ въ дѣлахъ «коммуны» выражалось въ томъ, что она: шила для Маріи Колѣнкиной

и другихъ крестьянскія рубашки, наклеивала на коленкоръ карты юго-западныхъ губерній, хранила у себя запрещенныя книги и инструменты для дѣланія печатей, которые во время бывшаго у нея обыска спрятала, а затѣмъ и сожгла, во время же разгрома «коммуны» предупреждала ея участниковъ о грозившихъ имъ опасностяхъ, доставляла имъ средства укрыться отъ преслѣдованій, о чемъ выражалась въ письмѣ отцу такимъ образомъ: «потомъ начали арестовывать, ловить, нужно было всѣмъ писать, предупреждать всѣхъ чертей, и, я говорю, это было настоящее несчастіе».

Ларіоновъ ввелъ въ «коммуну» Гориновича и посвятилъ его въ ея дѣла и цѣли. Оба они ходили «въ народъ». Въ первый разъ Гориновичъ отправился на пропаганду вмѣстѣ съ Дробышевскимъ; они дошли до мѣстечка Шполы, работали тамъ на сахарномъ заводѣ, но должны были уйти оттуда, не успѣвъ сблизиться съ кѣмъ-либо изъ рабочихъ. Вскорѣ Гориновичъ отправился вторично «въ народъ», на этотъ разъ съ Ларіоновымъ. Послѣдній взялъ съ собою цѣлую коллекцію запрещенныхъ книгъ, десятокъ англійскихъ пилокъ для распиливанія желѣза, хлороформъ и морфій. Яды Ларіоновъ захватилъ съ собою на тотъ случай, что, можетъ быть, удастся усыпить какого-нибудь состоятельнаго содержателя корчмы и обобрать его.

Гориновичъ и Ларіоновъ направились изъ Кіева черезъ м. Ружинъ въ Казатинъ, работали тамъ нѣкоторое время на станціи желѣзной дороги, послѣ чего возвратились обратно въ Кіевъ, черезъ тотъ же Ружинъ, гдѣ и попали въ руки полиціи. Гориновичъ предъявилъ при задержаніи подложный паспортъ на имя крестьянина Михалюка, но при немъ было найдено гимназическое свидѣтельство на его собственное имя, вслѣдствіе

чего онъ долженъ былъ сознаться, что его фамилія Гориновичъ. При Ларіоновѣ былъ найденъ паспортъ на имя Петра Федорова, пять картъ различныхъ губерній, морфій, хлороформъ и т. д.

Только во время слѣдствія выяснилось темное прошлое Ларіонова. Еще 23 декабря 1873 г. онъ былъ высланъ изъ Петербурга въ городъ Вельскъ, Вологодской губ., не за какія-нибудь политическія дѣла, но за неимѣніе опредѣленныхъ занятій и средствъ къ жизни. Въ Вельскѣ онъ сошелся съ лишеннымъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и сосланнымъ на житье въ Вологодскую губернію Иваномъ Терликовымъ. Они вдвоемъ рѣшили бѣжать изъ ссылки. Съ этою цѣлью они украли у крестьянки Дьяковой принадлежавшую ей лошадь съ упряжью и сани. Впрочемъ, Ларіоновъ утверждалъ, что кражу совершилъ самостоятельно Терликовъ, послѣдній же утверждалъ, что за три станціи до Вологды Ларіоновъ продалъ похищенную лошадь.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Ларіоновъ появился въ Корчевскомъ уѣздѣ, Тверской губ., гдѣ поступилъ на должность помощника волостного писаря въ Горицѣ. Получивъ по довѣренности крестьянъ 240 руб., подлежавшихъ выдачѣ имъ, онъ скрылся съ ними, послѣ чего появился въ Кіевской губ. и принялъ участье въ революціонной пропагандѣ. Онъ утверждалъ, что изъ присвоенныхъ имъ денегъ израсходовалъ въ Москвѣ 50 руб. на покупку платья, остальныя же деньги или потерялъ во время маскарада въ Большомъ театрѣ, или ихъ у него украли. За уголовныя преступленія Ларіоновъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Тобольскую губ.

Гориновичъ, въ виду его чистосердечнаго признанія и раскаянія, былъ освобожденъ отъ от-

вѣтственности, Идалія Польгеймъ была оправдана.

Однако, справедливость требуетъ признать, что не столько показанія «измѣнниковъ», сколько неосторожность и довѣрчивость самихъ пропагандистовъ послужили главною причиною повальнаго ареста почти всѣхъ лицъ, принимавшихъ какое бы то ни было участіе въ агитаціи. Особенно повредила имъ переписка.

Такъ, напримѣръ, разгрому «кіевской коммуны» много способствовали письма Дробышъ-Дробышевскаго. Студентъ петербургскаго университета и членъ тамошнихъ кружковъ, онъ появился въ Кіевѣ въ 1873 г., поселился въ «коммунѣ», ходилъ «въ народъ» вмѣстѣ съ Гориновичемъ. Когда начались аресты, Дробышевскій былъ отправленъ товарищами въ Борзенскій уѣздъ, въ Плиски, предупредить Трезвинскаго и Ходько объ угрожавшей имъ опасности. Онъ исполнилъ это порученіе, и вмѣстѣ съ Ходько они вдвоемъ отправились въ Кіевъ. На одной изъ первыхъ станцій они замѣтили, что жандармъ, слѣдившій за ними и сопровождавшій ихъ, сидѣлъ въ сосѣднемъ вагонѣ. Уйти отъ его преслѣдованій на какой-либо станціи не было никакой возможности, такъ какъ вездѣ жандармы, очевидно, увѣдомленные по телеграфу, ожидали ихъ и не спускали съ глазъ. Такимъ образомъ они пріѣхали въ Кіевъ. На станціи они рѣшили попытаться бѣжать, но тутъ возлѣ нихъ оказались два жандарма, одинъ изъ которыхъ прошелъ впередъ, другой слѣдовалъ за ними. Ходько рѣшился на крайнюю мѣру: онъ шепнулъ Дробышевскому: «бѣги!», а самъ загородилъ дорогу жандарму, слѣдовавшему за нимъ.

Дробышевскій побѣжалъ и старался скрыться среди вагоновъ, стоявшихъ на путяхъ. Жандармы, и въ томъ числѣ жандармъ, удержавшій

Ходько, побѣжали ловить его, чѣмъ воспользовался Ходько, спокойно вышелъ изъ вагона, прошелъ черезъ залъ перваго класа и преспокойно скрылся во мракѣ ночи, но Дробышевскій былъ задержанъ и отправленъ почему-то въ Нѣжинъ, гдѣ содержался при полиціи.

Тамъ Дробышевскій завязываетъ сношенія съ какимъ-то Смирновымъ, арестованнымъ за неимѣніе вида на жительство, разсказываетъ ему, что онъ политическій преступникъ, членъ могущественной организаціи, стремящейся сдѣлать всѣхъ равными. У нея много членовъ, и она строитъ погреба для склада оружія около Петербурга. Дробышевскій предложилъ Смирнову вступить въ общество и, когда тотъ согласился, далъ ему четыре письма слѣдующаго содержанія:

Первое, адресованное Николаю Чернышеву, гласило: «Николай Ѳедоровичъ! Покорнѣйше прошу васъ указать этому человѣку, гдѣ живетъ Владиміръ, Николка, Таня, Л—въ, или, вообще, кто-нибудь изъ нашихъ, чтобъ онъ могъ тамъ остановиться. Имѣйте къ нему полное довѣріе. А. Д. Маруська Л—ва непремѣнно въ Кіевѣ; если вы знаете, гдѣ она живетъ, укажите ея квартиру. Если вы знаете, гдѣ живетъ Ильяшевичъ, то спросите у него, гдѣ живутъ наши, можетъ быть, онъ знаетъ. Можетъ быть, въ Кіевѣ Катя. Во всякомъ случаѣ постарайтесь кого-нибудь отыскать. Можетъ быть, Иванъ въ Кіевѣ, укажите его».

Вторая записка была адресована Бенецкому и гласила: «Имѣйте довѣріе къ этому человѣку и укажите ему какой-нибудь адресъ въ Кіевѣ, гдѣ бы онъ могъ остановиться и поближе познакомиться съ нашими людьми и дѣломъ».

Остальныя двѣ записки были адресованы: «Степану, Владиміру, Танѣ, Николкѣ или кому-либо изъ тому подобныхъ». Имъ Дробышевскій

писалъ: «Прошу васъ достать, во что бы то ни стало, паспортъ этому человѣку и, если нужно, сколько можете денегъ».

Смирновъ обманулъ Дробышевскаго и представилъ по начальству всѣ четыре записки, полученныя отъ него, послѣдній же объяснилъ, что Владиміръ, это Дебогорій-Мокріевичъ, Степанъ —Стефановичъ, Маруська Л—ва—Идалія Польгеймъ и т. д.

Объясненія Дробышевскаго послужили, между прочимъ, поводомъ къ задержанію Бенецкаго, одного изъ самыхъ старыхъ членовъ «коммуны», поддерживавшаго ее денежными средствами и хранившаго принадлежавшія ей фальшивыя печати для паспортовъ.

Одновременно съ Дробышевскимъ былъ задержанъ и содержался въ Нѣжинскомъ полицейскомъ домѣ и его пріятель, сельскій учитель Трезвинскій, поддерживавшій постоянно сношенія и съ «кіевскою коммуною», и съ «сенъ-жебунистами».

Слѣдствіемъ было выяснено, что онъ собиралъ у себя своихъ учениковъ и, вообще, мѣстныхъ парней, внушалъ имъ, что необходимо отобрать землю у богатыхъ и перерѣзать пановъ и жидовъ. Изъ представленной однимъ изъ учениковъ Трезвинскаго тетради оказалось даже, что онъ, подъ видомъ диктовки, излагалъ ученикамъ разницу между монархіей и республикой, самодержавнымъ и конституціоннымъ правленіями. При обыскѣ у Трезвинскаго было найдено много тенденціозныхъ книгъ.

Трезвинскому и Дробышъ - Дробышевскому было впослѣдствіи засчитано въ наказаніе предварительное заключеніе, Бенецкій былъ оправданъ.

Такимъ образомъ, по указаніямъ-ли Гориновича и Ларіонова, благодаря-ли неосторожности Дробышевскаго, но къ концу 1874 г. вся «кіев-

ская коммуна» была разгромлена. Всѣ члены за исключеніемъ нѣсколькихъ самыхъ видныхъ, какъ Стефановичъ, Дебогорій-Мокріевичъ, Ходько, Каблицъ, бѣжавшихъ за границу, были арестованы.

Одновременно прекратилъ свое существованіе и черниговскій кружокъ, находившійся только въ фазисѣ организаціи, состоявшій изъ нѣсколькихъ семинаристовъ: братьевъ Илишенецкихъ, Тищенко, Карповича, дочери коллежскаго совѣтника, Соколовской, гимназиста, не окончившаго курса, Ласкаронскаго. Организаціей кружка занимались студенты: Божко-Божинскій, Левенталь, Аксельроде и Каминеръ, пріѣхавшіе изъ Кіева, доставлявшіе черниговцамъ революціонныя книги. Кружокъ существовалъ недолго, занимался чтеніемъ запрещенныхъ книгъ, обсужденіемъ прочитаннаго, разсужденіями о пропагандѣ и о томъ, какъ идти «въ народъ». Онъ прекратилъ существованіе самъ собою, послѣ того, какъ его члены разъѣхались на каникулы. Божко-Божинскій былъ все-таки арестованъ, но впослѣдствіи былъ оправданъ сенатомъ.

II.

Харьковскій и таганрогскій кружки. — Доставка заграничныхъ революціонныхъ изданій.—Нижегородскій кружокъ.—Пропаганда среди арестантовъ.—Д-ръ Кадьянъ и его друзья. — Самарскій кружокъ. — Иванчинъ-Писаревъ и пропаганда въ Ярославской губерніи.

Какъ мы уже отмѣчали въ біографіи Ковалика, первый харьковскій революціонный кружокъ основанъ имъ въ началѣ 1874 г. Почти одновременно съ нимъ появилась въ Харьковѣ московская пропагандистка Анна Андреева. Она поселилась въ собственномъ домѣ матери подъ видомъ горничной, надѣясь этимъ путемъ скрыться отъ преслѣдованій, такъ какъ она уже разыскивалась московскими жандармами. Андреева познакомилась съ учениками техническаго желѣзнодорожнаго училища: Феликсомъ Юркевичемъ и Семеномъ Корабельниковымъ, которымъ читала сказки «Кота-Мурлыки» и вела разговоры о тяжеломъ положеніи народныхъ массъ. На лѣто Андреева переѣхала въ Таганрогъ, куда былъ командированъ для практическихъ занятій Юркевичъ, къ которому, въ свою очередь, пріѣзжалъ часто Корабельниковъ.

Въ Таганрогѣ проводилъ лѣто студентъ медико-хирургической академіи Исаакъ Павловскій, его братъ Ааронъ, гимназистъ, не окончившій кур-
эти молодые люди составили кружокъ, устраива-

ли сходки, на которыхъ читалась «Исторія Интернаціонала» Бакунина и другія книги. Павловскій и Андреева ѣздили на Юзовскій заводъ, гдѣ занимались пропагандою.

Таганрогскій кружокъ, въ которомъ участвовали по преимуществу гимназисты, просуществовалъ очень недолго. Андреева, Іогансонъ и Павловскіе были арестованы и помѣщены въ Таганрогскій тюремный замокъ. Тамъ повторилась исторія, случавшаяся неоднократно съ пропагандистами 70-хъ гг. Они написали письма на волю и вручили ихъ одному арестанту, который представилъ ихъ по начальству. Между прочимъ, попала въ руки властей записка Іогансона, слѣдующаго содержанія:

«Скверно вотъ что. Въ Сувалкской губ. получены книги. Незадолго до ареста того, кто долженъ былъ ѣхать за ними, было получено письмо, какъ можно скорѣе прислать 175 руб. и получить книги. Книги тамъ были самыя новыя, какихъ въ Россіи еще нѣтъ. Жаль, если онѣ попадутъ въ руки правительства. Это главный и безопасный путь, черезъ который можно было бы всегда получать книги. Мы здѣсь получили книги багажемъ, не знаю, открыто-ли это. Кажется, нѣтъ».

Это письмо послужило для властей нитью, давшей возможность привлечь къ отвѣтственности цѣлый рядъ лицъ. Исаакъ Павловскій сознался, что въ августѣ 1877 г. онъ получилъ изъ Ковно письмо отъ своего знакомаго, студента Иваницкевича, который извѣщалъ его, что въ м. Кайданахъ находятся тюки революціонныхъ книгъ, высланныхъ имъ изъ-за границы. Такъ какъ лицо, которое должно было пріѣхать за этими книгами, арестовано, то Иваницкевичъ просилъ Павловскаго, какъ честнаго человѣка, взять эти книги и заплатить за нихъ 175 руб. Спустя нѣсколь-

ко дней Павловскій получилъ второе письмо, написанное какимъ-то контрабандистомъ, съ требованіемъ или доставить ему лично, или выслать на имя Эдельштейна 175 руб. Благодаря вышеизложеннымъ указаніямъ, властямъ удалось открыть путь, по которому доставляли изъ-за границы книги Лермонтовъ и Рабиновичъ, и арестовать два большихъ транспорта изданій.

Возвращаясь къ харьковскому кружку, организованному, какъ извѣстно, Коваликомъ, нужно прежде всего отмѣтить, что этотъ кружокъ не отличался энергіею, и Коваликъ писалъ ему неоднократно письма, въ которыхъ убѣждалъ проявлять больше дѣятельности. Первоначально руководящая роль въ кружкѣ принадлежала Говорухѣ-Отроку и Крутикову, но они вскорѣ отдѣлились отъ него и не принимали участья въ его дѣлахъ. Главою кружка сдѣлался Барковъ. Онъ устраивалъ сходки, на которыхъ убѣждалъ семинаристовъ и студентовъ ветеринарнаго института идти «въ народъ», произносилъ зажигательныя рѣчи. Онъ устроилъ библіотеку, въ которой было до 50 названій революціонныхъ книгъ, и кассу, въ которой было 175 руб. денегъ. Эта сумма составилась путемъ розыгрыша въ лоттерею не запрещенныхъ и запрещенныхъ къ продажѣ книгъ. Коваликъ поддерживалъ сношенія съ Барковымъ и въ апрѣлѣ 1874 г. прислалъ ему при посредствѣ Рабиновича: 256 руб., нѣсколько бланковъ для фальшивыхъ паспортовъ и значительное количество запрещенныхъ книгъ. Кромѣ того, Рабиновичъ вручилъ ветеринару Емельянову 120 руб. съ тѣмъ, чтобы тотъ опредѣлился въ казачій полкъ, съ цѣлью способствовать доставкѣ изъ-за границы революціонныхъ книгъ и устраивать побѣги революціонеровъ. Рабиновичъ вручилъ также 30 руб. Снѣ-

сивцеву, семинаристу, котораго Ковалик рѣшил почему-то поддерживать.

Лѣтом большинство членов харьковскаго кружка разъѣхалось, хотя сходки все-таки продолжались в Карповском саду. Барков был в Екатеринославской губ., гдѣ занимался пропагандою по деревням, ходил вмѣстѣ с Емельяновым на Дон, к сторообрядцам, и вынес оттуда впечатлѣніе, что они года через два-три взбунтуются против правительства.

Спѣсивцев поѣхал затѣм на средства кружка в Пензу, куда Барков высылал ему деньги. По возвращеніи в Харьков он написал Баркову в Курск письмо с просьбою прислать ему денег, на что получил отвѣт, что семинаристы—дураки, которым помогать не слѣдует, так как они не способны быть революціонерами. Члены кружка: Колюжный, Кулашко и Максимов отправились в Полтавскую губернію, на хутор вдовы надворнаго совѣтника Колесниковой, в Кобельском уѣздѣ. Вскорѣ среди крестьян этого уѣзда распространились слухи про предстоящій будто бы раздѣл земли между крестьянами и помѣщиками. Молва указала, как на виновников этих слухов, на студентов, проживавших на хуторѣ Колесниковой, что и послужило началом разгрома харьковскаго кружка.

Из участников послѣдняго заслуживает вниманія дѣятельность студента Виктора Александровича Данилова. Он успѣл побывать за границей, гдѣ не был принят в типографію Лаврова за то, что придерживался бакунинских убѣжденій, по возвращеніи же в Россію на средства харьковскаго кружка отправился на Кавказ. Там он встрѣтился с давнишнею знакомою, Маріею Шавердовою, и они занялись пропагандою среди молокан и духоборов. Дани-

ловъ опредѣлился даже на должность сельскаго писаря въ селѣ Спасскомъ и находилъ, что: «молокане, дѣйствительно, народъ порядочный, совершенно критически относящійся къ царю и правительству, а, самое главное, безъ всякаго вида, только зарекомендовавъ себя въ ихъ пользу, можно среди нихъ жить и пропагандировать, сколько душѣ твоей угодно».

Такъ писалъ Даниловъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, попавшемъ въ руки властей и послужившемъ главнымъ основаніемъ къ уличенію его и Шавердовой. Нижеслѣдующее мѣсто выдавало его прямо головой: «Такимъ маneромъ работалъ я по цѣлымъ недѣлямъ и въ воскресенье устраивалъ чтеніе революціонныхъ, запрещенныхъ разсказовъ, хотя, нужно отдать справедливость русской соціально-революціонной партіи, книгъ подходящаго содержанія. Мы, то есть я и барынька, достали всего только двѣ книги: «Четыре брата» и «Стенька Разинъ». Народу собиралось душъ до 15—20. Послѣ каждаго чтенія поднимались разные разговоры, которые почти всегда начиналъ одинъ рыжій малый, лѣтъ 40, фразою: «Ну, какъ же мы все это устроимъ?» Подъ этимъ «все» подразумѣвалось раздѣленіе земли и изгнаніе поповъ съ чинами и царемъ. Оканчивались эти разговоры фразою кого-нибудь изъ ребятъ: «Это все такъ, да какъ его начинать? Пусть въ Россіи начнутъ, а мы ужъ поддержимъ». Сюжетами для разговора были разные вопросы по самоуправленію и о землѣ преимущественно.

Арестъ Данилова повлекъ за собою привлеченіе къ отвѣтственности Шавердовой, урожденной Маріи Александровны Никитиной, бывшей учительницы женскаго института въ Тифлисѣ. Она была сильно компрометирована показаніями начальницы института, Колюбакиной. Послѣдняя удостовѣряла, что Шавердова пользовалась са-

мою дурною репутаціею въ нравственномъ отношеніи и распространяла среди воспитанницъ института самыя превратныя понятія о бракѣ, религіи и повиновеніи начальству. Подъ вліяніемъ Шавердовой нѣсколько учениццъ даже уѣхало въ Цюрихъ, а потому Колюбакина, по вступленіи въ должность начальницы, первымъ дѣломъ предложила ей удалиться изъ института.

Шавердова, впрочемъ, была оправдана сенатомъ, точно такъ же, какъ и всѣ участники харьковскаго кружка, не исключая Данилова и Баркова, которые или были оправданы, или имъ было вмѣнено въ наказаніе предварительное заключеніе.

Почти одновременно съ основными пропагандистскими кружками, возникшими въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ,—въ Нижнемъ-Новгородѣ организовалъ свой кружокъ Александръ Ивановичъ Ливановъ, бывшій студентъ технологическаго института, сынъ священника. Онъ почему-то оставилъ институтъ и поѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ хотѣлъ поступить въ ветеринарный институтъ, но не выдержалъ экзамена и возвратился въ Петербургъ, гдѣ сошелся съ Горушинымъ, Сердюковымъ и Гауэнштейномъ. Подъ ихъ вліяніемъ онъ увлекся революціоннымъ направленіемъ и въ концѣ 1873 г. уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и занялся пропагандою. Подъ его вліяніемъ составился кружокъ, въ составъ котораго входили семинаристы: Граціановъ, Александровскій, Серебровскій, Духовской и крестьянинъ Николай Биткинъ. Стали устраиваться сходки, на которыхъ Ливановъ читалъ сочиненія Бакунина и собственные рефераты, въ которыхъ доказывалъ необходимость идти «въ народъ».

Квартиры Ливанова и Серебровскихъ служили пріютами, въ которыхъ находили пріютъ петербургскіе пропагандисты во время своихъ стран-

ствованій по Россіи: Апосовъ, Антовъ, Тепловъ, Нефедовъ, Усачевъ и Лукашевичъ. Всѣ они принимали участіе въ сходкахъ нижегородскаго кружка и снабжали его революціонными книгами. Собственно, кружокъ не заявилъ себя ничѣмъ особеннымъ. Главною его заслугою надо считать устройство постоянной агентуры въ селѣ Павловѣ, гдѣ Александровскій занялъ мѣсто письмоводителя складочной артели. Кромѣ Александровскаго, ходилъ также «въ народъ» Ливановъ, поступившій въ столярную мастерскую въ слободѣ Печоры. Все-таки Ливановъ былъ признанъ сенатомъ однимъ изъ болѣе серьезныхъ преступниковъ по дѣлу «193-хъ» и былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житіе въ Тобольскую губернію.

Въ Самарской губерніи существовало два центра революціонной дѣятельности, въ Николаевскѣ и Самарѣ. Въ Николаевскѣ представителемъ революціонной пропаганды былъ мѣстный земскій врачъ, Александръ Александровичъ Кадьянъ; къ нему, въ мартѣ 1874 г., прибылъ одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ «кіевской коммуны», Николай Константиновичъ Судзиловскій, и поступилъ, въ видѣ испытанія, фельдшеромъ при больницѣ тюремнаго замка. Спустя нѣкоторое время, по рекомендаціи Кадьяна, Судзиловскій получилъ должность участковаго земскаго фельдшера въ селѣ Пестравкѣ. Такъ какъ Кадьяну пришлось въ это время отправиться по какимъ-то дѣламъ въ Петербургъ, то въ его отсутствіе завѣдывалъ земскою больницею Судзиловскій. Вскорѣ въ Николаевскѣ появилось новое лицо, дворянинъ Иванъ Федоровичъ Рѣчицкій-Лошповъ, оказавшійся знакомымъ и пріятелемъ Судзиловскаго. Онъ пріѣхалъ въ Николаевскъ съ намѣреніемъ пріобрѣсти участокъ земли и заняться сельскимъ

хозяйствомъ, но, такъ какъ сдѣлка по покупкѣ могла состояться не скоро, то Рѣчицкій рѣшилъ временно, въ цѣляхъ изученія экономическаго положенія уѣзда, занять должность сельскаго писаря.

Рѣчицкій поселился у Судзиловскаго, жившаго въ квартирѣ Кадьяна, который рекомендовалъ пріятеля своего друга мировому посреднику. При посредствѣ послѣдняго Рѣчицкій получилъ должность сельскаго писаря. Такъ какъ Судзиловскій вскорѣ оставилъ должность участковаго фельдшера, то и онъ, и Рѣчицкій жили у Кадьяна, гдѣ навѣщали ихъ и гостили по нѣсколько дней: Малышевъ, Ивановъ и гимназистъ Бѣлкинъ. Послѣдній оказался больнымъ, въ виду чего просилъ Кадьяна дать ему возможность прожить лѣто гдѣ-либо въ деревнѣ, что тотъ охотно исполнилъ и рекомендовалъ его помѣщицѣ Карповой, которая разрѣшила гимназисту прожить лѣто у нея на хуторѣ.

Вскорѣ арестантъ Лихачевъ, содержавшійся въ Николаевскомъ тюремномъ замкѣ, потребовалъ свиданья съ жандармскимъ полковникомъ и сообщилъ ему слѣдующее. Въ выѣздную сессію саратовскаго окружнаго суда въ г. Николаевскѣ слушалось дѣло его и Потлова. Защищали ихъ Судзиловскій и Рѣчицкій. Во время свиданія со своимъ кліентомъ Рѣчицкій сказалъ ему, что, если онъ хочетъ, то въ случаѣ обвинительнаго приговора ему можно устроить побѣгъ изъ тюрьмы. «У насъ много такихъ, какъ ты,—говорилъ Рѣчицкій,—намъ нуженъ такой народъ, готовый на все».

Рѣчицкій объяснилъ Лихачеву, что ему будетъ предоставленъ паспортъ, средства, вся же его служба будетъ заключаться въ распространеніи книгъ. Приблизительно такой же разговоръ велъ Потловъ со своимъ защитникомъ, Судзиловскимъ.

Оба арестанта были признаны судомъ виновными, причемъ Потловъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы, а Лихачевъ на поселеніе, послѣ чего оба, хотя и были совершенно здоровы, заявили себя больными. Они были отправлены въ больницу, гдѣ ихъ осмотрѣлъ Кадьянъ въ присутствіи Судзиловскаго, дѣлавшаго ему какіе-то знаки, и принялъ обоихъ въ больницу.

Лихачевъ, Потловъ и третій арестантъ, Куловъ, тоже имѣвшій желаніе бѣжать, были помѣщены въ камеру, гдѣ лежалъ одинъ больной, ничего не знавшій о предположенномъ побѣгѣ. Въ окнѣ камеры были двѣ рѣшетки: наружная, желѣзная, и внутренняя, деревянная. Послѣднюю, незадолго передъ помѣщеніемъ въ камеру арестантовъ, Кадьянъ приказалъ снять. Лихачевъ, не собираясь бѣжать, спустя нѣсколько дней выписался изъ больницы, и его мѣсто занялъ арестантъ Безднѣвъ, который вмѣстѣ съ Потловымъ и Куловымъ и покушался, по словамъ Лихачева, на побѣгъ изъ тюрьмы. При этомъ бѣжавшіе напоили конвойныхъ солдатъ какимъ-то одуряющимъ веществомъ, даннымъ имъ Судзиловскимъ, который также снабдилъ Потлова долотомъ.

Послѣ доноса Лихачева властями, конечно, были приняты надлежащія мѣры. Было установлено, что, дѣйствительно, въ ночь на 14 іюня арестантъ Потловъ покушался на побѣгъ, что у него было долото, что конвой былъ опоенъ какимъ-то одуряющимъ веществомъ. Все это послужило достаточнымъ основаніемъ для производства обысковъ и арестовъ въ квартирѣ Кадьяна. Тутъ было выяснено, что лица, навѣщавшія Судзиловскаго подъ вымышленными фамиліями, были: Ковалікъ, Тетельманъ и Ломоносовъ. Судзиловскому удалось бѣжать, но Рѣчицкій-Лош-

новъ былъ арестованъ и по дорогѣ въ Самару застрѣлился.

Противъ Кадьяна былъ собранъ рядъ тяжелыхъ уликъ. Онъ обвинялся въ томъ, что его квартира служила притономъ для странствующихъ пропагандистовъ, что они получали при его посредствѣ письма, что при его содѣйствіи многія пропагандистки должны были получить должности земскихъ акушерокъ. Кромѣ того, у него былъ найденъ одинъ нумеръ и два экземпляра программы журнала «Впередъ», было выяснено, что онъ ѣздилъ за границу и провелъ нѣсколько дней въ Цюрихѣ. Сенатъ, все-таки, призналъ всѣ эти улики недостаточными, и Кадьянъ былъ оправданъ.

Вторымъ центромъ революціонной дѣятельности въ Самарской губ. былъ, какъ упомянуто выше, городъ Самара. Тамъ съ 1873 г. существовалъ кружокъ, основанный Городецкимъ и Чернышевымъ, не прекратившій своихъ занятій послѣ переѣзда послѣднихъ въ Петербургъ. Въ составъ кружка входили: воспитанница самарской гимназіи, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Городецкаго, Боголюбова, писецъ уѣздной земской управы Бѣляковъ, писецъ губернской земской управы Дегтеревъ, крестьянинъ Бодяжинъ, лакей помѣщика Бородина, Александровъ, гимназистъ Лазаревъ, Осиповъ, Филадельфовъ и другіе.

Сначала, по иниціативѣ Осипова, объявившаго, что всѣ члены кружка — «дрянь, никуда негодные люди», было рѣшено заняться нравственнымъ развитіемъ путемъ чтенія и составленія рефератовъ. Занятія науками въ гимназіи были признаны безполезными. На собраніяхъ кружка читались сочиненія Оуэна и Лассаля, а Осиповъ взялъ себѣ для разбора книгу Чернышевскаго: «Что дѣлать?», заранѣе увѣривъ всѣхъ, что онъ напишетъ такой разборъ, который и черезъ сот-

ню лѣтъ будетъ современнымъ. Однако, у него ничего не вышло, и, исписавъ нѣсколько листовъ бумаги, Осиповъ объявилъ, что онъ придумалъ новый планъ дѣйствій, «строго научную подготовку», и предложилъ заниматься... анатоміей. И на этотъ разъ его предложеніе было принято. Кружокъ занимался анатоміей, затѣмъ химіей и физикой, но въ февралѣ 1874 г. Осипову бывшіе товарищи прислали изъ Петербурга сочиненія Бакунина. Съ того момента кружокъ окончательно уклонился отъ своей первоначальной программы, и его направленіе приняло революціонный характеръ.

Вскорѣ въ Самару прибыли: Городецкій, успѣвшій побывать въ Смоленской губ., гдѣ работалъ въ кузницѣ, Чернышевъ, Клеопатра Лукашевичъ, вышедшая вскорѣ замужъ за Осипова, Никитинъ и Курдюмовъ. Съ пріѣздомъ петербургскихъ товарищей дѣятельность кружка оживилась, и для окончательной выработки программы дѣйствій былъ устроенъ цѣлый рядъ сходокъ, на которыхъ было рѣшено сблизиться съ народомъ и внушить ему, что земля не должна быть ни помѣщичьею, ни государственною, а общинною. Общество объявило своимъ девизомъ: «свобода, равенство и братство».

На одной сходкѣ разсуждали о томъ, что необходимо сдѣлать вспышку и взбунтовать народъ. При этомъ Осиповъ, снявъ со стѣны карточку какого-то жандармскаго офицера, изрубилъ ее топоромъ, приговаривая, что всѣхъ жандармовъ надо уничтожать точно такимъ же образомъ.

Съ наступленіемъ лѣта самарскій кружокъ ушелъ «въ народъ». Осиповъ отправился въ Ставрополь, Казань, путешествовалъ по Вятской губ. и былъ задержанъ въ Петербургѣ. Его жена отправилась въ Вятскую губ. и была задержана 30-го августа 1874 г. въ с. Ивановкѣ, въ квар-

тирѣ сельской учительницы, Клавдіи Кувшинской. Клеопатра Осипова обнаруживала признаки разстройства умственныхъ способностей. Левъ и Вѣра Городецкіе, Никитинъ, Александровъ и почти всѣ члены самарскаго кружка пошли «въ народъ» и занимались пропагандою, пока не были переарестованы. Сенатомъ имъ было вмѣнено въ наказаніе предварительное заключеніе.

Въ Ярославской губ. съ 1873 г. велъ весьма энергичную пропаганду среди крестьянъ помѣщикъ Даниловскаго уѣзда, Александръ Ивановичъ Иванчинъ-Писаревъ. Онъ устроилъ въ с. Потаповѣ столярную мастерскую, въ которой училъ рабочихъ пѣть революціонныя пѣсни и доказывалъ необходимость возстанія противъ правительства. Онъ занимался также чтеніемъ и распространеніемъ революціонныхъ книгъ и устраивалъ народныя гулянія, на которыхъ пѣлись пѣсни революціоннаго содержанія. Дѣятельными сотрудниками Иванчина-Писарева были проживавшіе въ с. Вятскомъ: земскій врачъ Иванъ Ивановичъ Добровольскій и земская акушерка, бывшая цюрихская студентка, Марія Платоновна Потоцкая, жившая въ одной квартирѣ съ Добровольскимъ.

Лѣтомъ 1874 г. къ Иванчину-Писареву пріѣзжали и принимали дѣятельное участіе въ пропагандѣ: Клеменсъ, Львовъ, Саблинъ, Морозовъ и Алексѣева. Саблинъ старался получить мѣсто фельдшера въ Боровской волости, а Морозовъ поступилъ въ кузницу въ дер. Коптевѣ для изученія кузнечнаго ремесла. Какъ только дѣятельность Иванчина-Писарева сдѣлалась извѣстною правительству, онъ сейчасъ же бѣжалъ за границу. Добровольскій и Потоцкая были арестованы, во время же обыска въ селѣ Потаповѣ, въ нежиломъ домѣ были найдены спрятанными за карнизомъ подъ крышею въ большомъ количествѣ ре-

волюціонныя книги. Морозовъ и Саблинъ тоже уѣхали за границу и были арестованы только 12-го марта 1876 г. въ пограничномъ селеніи Кибартахъ, на обратномъ пути въ Россію. У Морозова оказалось прусское легитимаціонное свидѣтельство на имя Карла Энгеля, а у Саблина— на имя Фридриха Вейсмана. Пострадалъ сильнѣе всѣхъ Добровольскій, лишенный всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и сосланный на житье въ Тобольскую губернію. Саблину и Морозову было вмѣнено въ наказаніе предварительное заключеніе, Потоцкая была оправдана.

Кромѣ того, въ Ярославской губерніи велась революціонная пропаганда въ Рыбинскомъ уѣздѣ, гдѣ занимались этимъ дѣломъ: Дмитрій Бородулинъ, Павелъ Троицкій и Марія Гейшторъ, которыхъ навѣщала Софія Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ. Троицкій и Марія Гейшторъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, поселились въ д. Копринѣ, гдѣ распространяли среди крестьянъ революціонныя книги.

Этимъ мы закончимъ обзоръ дѣятельности пропагандистовъ 1873—1874 гг., умѣвшихъ покрыть какъ бы сѣтью революціонныхъ кружковъ и отдѣльныхъ агентовъ большую половину Россіи. Дознаніемъ была раскрыта пропаганда въ 35 губерніяхъ: Петербургской, Московской, Тверской, Ярославской, Новгородской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Самарской, Казанской, Оренбургской, Уфимской, Нижегородской, Воронежской, Курской, Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Херсонской, Кіевской, Черниговской, Подольской, Орловской, Смоленской, Калужской, Тульской, Архангельской, Костромской, Владимірской, Вятской, Пермской, Томской, Могилевской, Тифлисской и землѣ Войска Донского.

III.

Цюрихская колонія.—Швейцарскій революціонный кружокъ.—Пропагандисты, уцѣлѣвшіе послѣ погрома.—Петръ Алексѣевъ.—Здановичъ, Джабадари, Чекоидзе.—Соединеніе московскаго кружка съ швейцарскимъ.

Кружокъ, къ которому перешла главная роль въ исторіи революціоннаго движенія, послѣ разгрома пропагандистовъ 1873—74 гг. организовался, собственно, въ Цюрихѣ, въ Швейцаріи. Какъ извѣстно, въ 1872 и 1873 гг. въ Цюрихѣ образовалась весьма многочисленная колонія русской учащейся молодежи. Студентки: Бородина, Фигнеръ, двѣ Любатовичъ, три Субботины, Александрова, Каминская и друг. образовали особую, тѣсно сплоченную группу. Вѣра Фигнеръ такъ писала впослѣдствіи объ этой эпохѣ: «Кажется, я не неглижировала своимъ образованіемъ: въ Цюрихѣ была даже членомъ особеннаго ферейна изъ однѣхъ женщинъ, русскихъ студентокъ, цѣлью которыхъ было научиться логически говорить. Мужчины не допускались, какъ конкурренты, которые своимъ краснорѣчіемъ и вѣками накопленной логикой могли препятствовать нашимъ упражненіямъ. И мы упражнялись добросовѣстно: читали рефераты о самоубійствѣ и «Стенькѣ Разинѣ», о Кобэ и Сенъ-Симонѣ; спорили до хрипоты о теоріи ренты Рикардо, о законѣ народонаселенія Мальтуса и распустили ферейнъ, дойдя до вопроса о томъ, должно-ли при

соціальномъ переустройствѣ разрушить цивилизацію, или можно отнестись къ ней снисходительно и сохранить ее для обновленнаго человѣчества. Этотъ вопросъ такъ глубоко затронулъ страсти, что мы точно бѣлены объѣлись, спорили, спорили, никакъ не могли перекричать другъ друга, раздѣлились на партіи, объявили, что примиреніе невозможно, и послѣ этого уже не собирались вмѣстѣ».

Мало-по-малу вышеперечисленныя студентки составили кружокъ, соединенный тѣсною дружбою. Онѣ приняли бакунинскую программу и разрабатывали ее во время интимныхъ бесѣдъ и экскурсій по Швейцаріи.

Въ концѣ 1873 года цюрихская колонія прочла въ русскихъ газетахъ объявленіе о томъ, что правительство требуетъ, чтобы студентки оставили Цюрихъ. Оказавшимся непослушными грозило запрещеніе держать въ Россіи экзаменъ на доктора и получать дозволеніе заниматься тамъ медицинскою практикою. Лавровъ немедленно созвалъ собраніе русской колоніи и постарался въ своей рѣчи уяснить положеніе дѣлъ, побудить слушательницъ обдумать послѣдствія того или другого своего рѣшенія и принять это рѣшеніе съ полнымъ сознаніемъ возможныхъ результатовъ. Кн. Александръ Кропоткинъ обратился къ студенткамъ съ убѣдительною просьбою дѣйствовать сейчасъ же. Часть цюрихскихъ студентокъ рѣшила вернуться въ Россію и, оставивъ мысль о дипломахъ, нести въ русскій народъ «благую вѣсть» соціализма, другая разъѣхалась по различнымъ университетамъ. Такъ какъ присутствіе русскихъ женщинъ въ мужскихъ аудиторіяхъ не было уже для Европы новостью, то Бернъ, Базель, Женева, Парижъ открыли передъ ними двери своихъ университетовъ.

Итакъ, въ Россію направилось 12—15 моло-

дыхъ дѣвушекъ. Ихъ сближали не только жизненныя убѣжденія, но и горячія личныя симпатіи. Все это были самыя пламенныя прозелитки соціализма, но это не были люди, способные удовлетворяться однѣми теоріями. Самыя теоріи интересовали ихъ только, какъ отвѣтъ на мучившіе вопросы жизни. Поэтому наряду съ теоретическими занятіями, шли планы практическаго примѣненія революціоннаго соціализма въ Россіи.

Руководящую роль въ кружкѣ играла Бардина. Она казалась гораздо старше, серьезнѣе своихъ лѣтъ среди молодыхъ дѣвушекъ, относившихся къ ней поэтому съ оттѣнкомъ почтительности. Ея трезвый, насмѣшливый умъ не выносилъ никакой сентиментальности. Съ двумя подругами, Лидіей Фигнеръ и Бети Каминской, она сошлась ближе.

«Характеренъ этотъ выборъ, — пишетъ біографъ Бардиной.—Какъ Бети, страстная, порывистая южанка, напоминающая своей экзальтаціей средневѣковыхъ пророчицъ, такъ и Лидія, натура тихая, ровная, терпимая—обѣ онѣ были самымъ чистымъ воплощеніемъ того типа идеальныхъ, безгранично любящихъ и самоотверженныхъ женщинъ, который такъ часто вдохновляетъ собою поэтовъ и романистовъ. Казалось, трудно было подыскать контрасты болѣе полные, чѣмъ между Бардиной и ея пріятельницами». Къ моменту пріѣзда въ Москву Бардиной и другихъ цирюхскихъ студентокъ разгромъ кружковъ пропагандистовъ былъ уже законченъ. Въ это время, по словамъ оффиціальной записки министра юстиціи, графа Палена, по обвиненію въ пропагандѣ было привлечено къ отвѣтственности 770 человѣкъ, въ томъ числѣ: 612 мужчинъ и 158 женщинъ. Изъ нихъ находились подъ стражею 265 чел., на свободѣ съ принятіемъ противъ нихъ

другихъ мѣръ пресѣченія, уклоненія отъ суда 52, неразысканныхъ—53. Казалось, столь основательныя репрессіи должны были отбить тогдашней молодежи охоту заниматься рекогносцировками и пропагандою, но ничего подобнаго не случилось. Преслѣдованія—преслѣдованіями, аресты—арестами, а молодежь продолжала дѣлать свое дѣло, къ которому считала себя привязанною. Какъ разсказываетъ А. Лукашевичъ, къ концу 1874 г. въ Москвѣ собралось нѣсколько пропагандистовъ, уцѣлѣвшихъ какимъ-то образомъ: онъ, Грачевскій, Союзовъ и рабочій Василій.

Они часто толковали о необходимости болѣе систематической дѣятельности среди рабочаго народа, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ, и о необходимости новой организаціи, которая замѣнила бы старые разгромленные кружки. Вскорѣ пріѣхали въ Москву изъ Петербурга новыя лица: Петръ Алексѣевъ, смоленскій крестьянинъ-фабричный и грузины: Георгій Феликсовичъ Здановичъ, Иванъ Спиридоновичъ Джабадари и Михаилъ Николаевичъ Чекоидзе.

Замѣчательный типъ представлялъ собою Петръ Алексѣевъ. Какъ разсказываетъ Синегубъ, однажды, къ нему на квартиру, въ Петербургѣ, явились трое неизвѣстныхъ ему ткачей съ суконной фабрики Торнтона. Они сказали, — что слышали про то, что Синегубъ обучаетъ рабочихъ даромъ, а потому просятъ обучать и ихъ, хотя они умѣютъ уже читать и даже писать, правда, не очень бойко, но хотѣли бы еще поучиться наукѣ: «еографіи» и «еометріи». Это были: Петръ Алексѣевъ, Иванъ Смирновъ и Александровъ.

Синегубъ сталъ заниматься съ ними, но черезъ три дня убѣдился, что у него не хватитъ времени для занятій съ этими рабочими, а потому передалъ своихъ новыхъ учениковъ Софьѣ Перовской, которая спеціально переселилась за Невскую за-

ставу и стала заниматься съ Петромъ Алексѣевымъ и его товарищами, но ученіе продолжалось не долго. Перовская была арестована 25 ноября 1873 г. и, хотя и была освобождена спустя нѣсколько мѣсяцевъ, но была отправлена отцомъ, взявшимъ ее на поруки, въ Крымъ. Конечно, она не могла болѣе заниматься со своими учениками, и «образованіе» Алексѣева такъ и осталось неоконченнымъ.

Волховской пишетъ объ Алексѣевѣ:

«Не выше средняго роста, если не ниже, онъ поражалъ шириною туловища, какъ въ плечахъ, такъ и отъ груди къ спинѣ. Массивныя же руки и ноги казались вылитыми изъ чугуна. На этомъ богатырскомъ тѣлѣ покоилась крупная голова съ крупными же, глубоко вырубленными чертами смуглаго лица, съ шапкой густыхъ, черныхъ, какъ смоль, волнистыхъ волосъ и такими же, нѣсколько курчавыми усами и бородой. Но всего лучше были глаза—ясные и пламенные: неукоримая энергія свѣтилась въ нихъ, смѣшанная съ добротой сильнаго человѣка. По внѣшнему облику лицо Петра легко было принять за лицо цыгана, если бы не его выраженіе—открытое, прямое и добродушное, чисто-великорусское».

Алексѣевъ родился въ Смоленской губ., въ деревнѣ Новинской, въ 1848 г., въ бѣдной крестьянской семьѣ. Пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, представлявшимъ въ семьѣ «лишній ротъ», онъ оставилъ родное село и пошелъ искать хлѣба на фабрикѣ. Съ дѣтства онъ обнаруживалъ жажду знанія и самъ, безъ помощи учителя, научился читать и писать.

Встрѣча съ пропагандистами съиграла роковую роль въ его жизни. Они обсуждали съ нимъ различные вопросы, надъ которыми ему приходилось призадумываться раньше и самому, снабжали его книгами, разъясняли ему многое, и Петръ

Алексѣевъ превратился самъ въ яраго пропагандиста.

Какъ свидѣтельствуетъ Волховской, онъ поступалъ на извѣстную фабрику и, когда убѣждался, что колесо пропаганды пошло въ ходъ, переходилъ на другую. Подчасъ ему приходилось скрываться; когда его книги попадались, и ему угрожалъ арестъ, то онъ долго умѣлъ избѣгать послѣдняго.

Георгій Феликсовичъ Здановичъ, уроженецъ Кутаисской губерніи, сынъ штабсъ-капитана, считается почему-то грузиномъ, хотя фамилія и отчество указываютъ скорѣе на польское или украинское происхожденіе. Онъ родился въ 1855 г., учился въ московскомъ университетѣ но курса не окончилъ. Въ 1871 г. онъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ велъ компанію съ нѣкоторыми «чайковцами» и въ томъ числѣ съ Кравчинскимъ. По словамъ «благонамѣренныхъ» товарищей, это былъ молодой человѣкъ, отличавшійся фразерствомъ, либеральностью взглядовъ и открыто заявлявшій себя противникомъ русскаго правительства. Товарищи и знакомые звали Здановича «рыжимъ», и онъ нисколько не обижался на эту кличку и даже самъ часто подписывалъ свои письма «Георгій Рыжій».

Дворяне Тифлисской губерніи: Иванъ Спиридоновичъ Джабадаевъ, 22-хъ лѣтъ, и Михаилъ Чекоидзе, 24-хъ лѣтъ, были издавна въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Здановичемъ, съ которымъ часто видѣлись въ бытность его въ Петербургѣ. Въ 1874 г. они были въ Парижѣ, откуда переписывались съ Здановичемъ. Всѣ вышеперечисленныя лица сблизились въ Москвѣ. Какъ говоритъ Лукашевичъ, они всѣ держались болѣе или менѣе однородной программы дѣятельности, въ виду чего стали устраивать собранія для выработки условій, на которыхъ они могли бы тѣснѣе съорга-

низоваться для совмѣстной работы. Первое такое собраніе происходило гдѣ-то въ Замоскворѣчіи. Что, именно, говорилось тамъ, Лукашевичъ не можетъ припомнить, но говоритъ, что до сихъ поръ не забылъ овладѣвшаго всѣми бодраго, приподнятаго и, быть можетъ, слишкомъ даже приподнятаго настроенія.

На этомъ первомъ и на слѣдующихъ собраніяхъ новаго кружка были приняты важныя рѣшенія. Пропагандисты столковались относительно основныхъ принциповъ и признали необходимымъ приступить немедленно къ систематической агитаціи и пропагандѣ среди московскихъ фабричныхъ рабочихъ. Имѣлось въ виду, какъ только эта организація окрѣпнетъ нѣсколько въ Москвѣ, начать развѣтвлять ее, выдѣляя въ другія мѣстности группы, связанныя федеративно съ московскимъ кружкомъ.

Это происходило въ концѣ лѣта 1874 г. Вскорѣ пропагандисты узнали, что въ Москвѣ образовался еще одинъ кружокъ, стремившійся къ той же цѣли, въ составъ котораго входили исключительно студентки, возвратившіяся изъ Швейцаріи: Варвара Александрова, Софья Бардина, Бети Каминская, Ольга и Вѣра Любатовичъ, Евгенія, Марія и Надежда Субботины, Анна Топоркова, Лидія Фигнеръ, Александра Хоржевская, Вѣра Шутилова и др., рѣшившія пойти «въ народъ», работать на фабрикахъ и заниматься соціально-революціонною пропагандою. Джабадари и Чекоидзе познакомились со швейцарскими студентками еще въ Швейцаріи, въ бытность свою за границей, и, при ихъ посредствѣ, завязались первыя сношенія между московскимъ кружкомъ и студентками. Было предположено объединиться, въ виду чего, для выработки условій, на какихъ оба кружка могли бы составить одну общую «дѣловую организацію», была избрана особая комис-

сія. Ея членами состояли со стороны московскаго кружка: Лукашевичъ, Джабадари и Чекоидзе, со стороны бывшихъ швейцарскихъ студентокъ: Вѣра Любатовичъ и Бети Каминская.

Здановичъ не принималъ участія въ занятіяхъ комиссіи, такъ какъ его въ то время не было въ Москвѣ. Онъ былъ командированъ кружкомъ за границу—устроить путь для контрабанднаго ввоза въ Россію нелегальныхъ изданій. Грачевскій къ этому времени былъ уже арестованъ въ качествѣ обвиняемаго въ соучастіи съ лицами, привлеченными къ отвѣтственности по дѣлу «193-хъ».

Комиссія собиралась нѣсколько разъ. Изъ-за нѣкоторыхъ статей соглашенія происходили очень оживленныя пренія, такъ какъ по многимъ вопросамъ предстоящей практики взгляды «москвичей» и «швейцарскихъ студентокъ» не совпадали. Большое оживленіе въ занятіи комиссіи вносила горячность Вѣры Любатовичъ, называемой «волченкомъ», и Джабадари; было не мало и комическихъ сценъ въ этихъ схваткахъ, но, въ концѣ-концовъ, комиссія нашла возможнымъ изложить въ письменной формѣ проектъ соглашенія двухъ кружковъ и довела до конца возложенную на нее задачу.

Тогда въ Сыромятникахъ, въ домѣ Комарова, было устроено общее собраніе, на которомъ пунктъ за пунктомъ былъ разсмотрѣнъ, исправленъ и принятъ, наконецъ, послѣ ожесточенныхъ споровъ, проектъ соглашенія двухъ кружковъ. Результатомъ этого соглашенія или, точнѣе, компромисса и явилось,—по словамъ Лукашевича,—нѣчто въ родѣ писаннаго устава, которымъ, въ отличіе отъ остальныхъ кружковъ семидесятыхъ годовъ, не имѣвшихъ никакихъ уставовъ, руководствовался московскій кружокъ 1874—75 гг. Первоначально всѣ участники совѣщанія выска-

зывались горячо противъ составленія подобнаго документа, сознавая, что его арестъ произвелъ бы провалъ всего дѣла, но тѣмъ не менѣе писанный уставъ былъ принятъ. Въ видахъ безопасности было рѣшено переписать его мельчайшимъ почеркомъ на очень тонкой бумагѣ съ тѣмъ, чтобы хранителю устава во время обыска было легко проглотить его. Но эти мѣры предосторожности не были соблюдены, и уставъ со временемъ попалъ въ руки властей.

Такимъ образомъ, въ отличіе отъ «чайковцевъ» и прочихъ кружковъ начала 70 гг., московско-швейцарская община не только не боялась устава, но выработала, первымъ дѣломъ, уставъ, подробно регламентировавшій дѣйствія кружковъ и отдѣльныхъ членовъ, опредѣляющій ихъ права и обязанности.

Главная особенность регламента, это—установленіе имъ центральнаго органа организаціи, призваннаго объединить отдѣльные кружки и въ извѣстной мѣрѣ руководить ихъ дѣятельностью, хотя составители устава ни за что не хотѣли сказать этого прямо, боясь, какъ бы это не стало противорѣчить основному принципу организаціи: полному равенству членовъ. Не менѣе обращаетъ на себя вниманіе подчиненіе членовъ организаціи и устраненіе возможности съ ихъ стороны такихъ дѣйствій и предпріятій, о которыхъ организація, какъ цѣлое, не имѣла бы никакого понятія.

Повидимому, опытъ кружковъ 1870 гг. въ первой очереди заставилъ пропагандистовъ пріѣйти къ заключенію, что въ единеніи—сила, единеніе же немыслимо безъ извѣстной дисциплины, центральнаго органа, программы. Во всякомъ случаѣ, уставъ московской организаціи высоко интересенъ, какъ, по выраженію Лукашевича, на-

мятникъ кристаллизованной революціонной мысли, вырабатывавшійся коллективно въ головахъ наиболѣе крайнихъ, но и наиболѣе альтруистически настроенныхъ представителей молодежи тогдашней «переходной» эпохи—мужчинъ и женщинъ.

IV.

Пропаганда среди рабочихъ.—Разгромъ московской общины. — Дѣятельность Бардиной, Бети Каминской и Ольги Любатовичъ. — Иваново-вознесенская община.— Изъ переписки между организаціей и провинціальнымъ отдѣломъ.—Пропаганда среди иваново-вознесенскихъ рабочихъ.

По свидѣтельству Лукашевича, еще до выработки устава «всероссійской организаціи»; члены московскаго и швейцарскаго кружковъ принялись за дѣятельную пропаганду среди фабричныхъ рабочихъ. Петръ Алексѣевъ завербовалъ своего стараго пріятеля, Николая Васильева, извѣстнаго на многихъ фабрикахъ, и самъ поступилъ на фабрику Тимашева. Ольга Любатовичъ и Бети Каминская опредѣлились работницами на фабрику Носовыхъ, Бардина—на фабрику Лазарева, Лидія Фигнеръ—на фабрику Гюбнера, Лукашевичъ на котельный заводъ Дангауэра, въ «Нѣмецкой слободѣ».

Николай Васильевъ скоро выказалъ себя чрезвычайно энергичнымъ, неутомимымъ агитаторомъ и, какъ утверждаетъ Лукашевичъ, имѣлъ громадный успѣхъ между фабричными. Этотъ пропагандистъ былъ неграмотенъ, но умѣлъ различать книжки по внѣшнему виду и одному ему извѣстнымъ примѣтамъ. Отправляясь на пропаганду въ ту или другую артель, онъ всегда зналъ, какими книгами ему слѣдовало въ дан-

номъ случаѣ запастись, и требовать изъ склада, именно, ихъ. Онъ роздалъ массу книжекъ. Выдачей книжекъ и бесѣдами съ рабочими въ трактирѣ, по близости фабрикъ, занимались также: Джабадари, Чекоидзе, Грачевскій, пока не былъ арестованъ, и Василій.

Въ свою очередь, рабочіе, завербованные Алексѣевымъ и Васильевымъ, раздавали книжки своимъ знакомымъ, а тѣ опять своимъ. Если сами пропагандисты читали книжки въ слухъ, безъ всякаго подбора людей, то завербованные ими дѣйствовали уже безъ всякихъ предосторожностей. Результаты такого образа дѣйствій не замедлили сказаться: книжки попадали очень часто въ руки различныхъ механиковъ и мастеровъ, которые немедленно передавали ихъ въ полицію. Начались обыски, аресты.

Московская организація была разгромлена уже въ началѣ апрѣля 1875 года. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Ревностный пропагандистъ изъ рабочихъ, Николай Васильевъ, занимаясь распространеніемъ революціонныхъ книгъ среди рабочихъ ткацкой фабрики Шабаева, далъ прочитать «Емельку Пугачева» нѣкоему Якову Яковлеву. Тотъ, ознакомившись съ содержаніемъ книги, счелъ нужнымъ снести ее въ жандармское управленіе; на свиданіе же съ Васильевымъ, назначенное ему въ одномъ изъ трактировъ, онъ явился въ сопровожденіи полиціи. Васильевъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ его товарищемъ, помогавшимъ ему распространять книги рабочимъ, Иваномъ Бариновымъ.

Послѣдній сейчасъ же выдалъ головою своего пріятеля. Онъ объяснилъ, что знакомъ съ Васильевымъ давно, а этотъ, въ свою очередь, познакомилъ его съ Петромъ Алексѣевымъ, послѣ чего они оба убѣдили его пристать къ ихъ революціонному кружку, имѣвшему цѣлью уничто-

жить правительство, дворянъ и произвести всеобщую рѣзню. Прочитавъ нѣсколько книгъ, данныхъ ему Васильевымъ, Бариновъ, будто бы убѣдившись въ преступности их содержанія, хотѣлъ отстать отъ кружка, но Васильевъ и Алексѣевъ сказали ему, что теперь уже поздно, что онъ долженъ имъ повиноваться, такъ какъ иначе можетъ погибнуть, и Бариновъ волей-неволей долженъ былъ распространять книги преступнаго содержанія.

Спустя нѣсколько дней послѣ задержанія Васильева, упорно отрицавшаго какое бы то ни было знакомство съ революціонерами и пропагандою, въ жандармское управленіе явилась его сожительница, Дарья Скворцова, и объявила, что она желаетъ указать всѣхъ лицъ, которыя его погубили.

Въ ночь на 4-е апрѣля жандармы, по указанію Скворцовой, окружили домъ Корсакъ, гдѣ помѣщалась администрація организаціи. «У всѣхъ, у насъ,—пишетъ Лукашевичъ,—было не только предчувствіе, но была почти полная увѣренность въ томъ, что квартира подвергается сильной опасности. И, тѣмъ не менѣе, мы собрались тамъ въ большомъ числѣ и не спѣшили расходиться. Это нашъ общій великій грѣхъ».

Въ домѣ Корсакъ было арестовано сразу девять человѣкъ и въ томъ числѣ семь членовъ организаціи: Бардина, Каминская, Алексѣевъ, Джабадари, Чекаидзе, Георгіевскій и Лукашевичъ. Кромѣ того, были задержаны тамъ рабочіе: Семенъ Агаповъ и Пафнутій Николаевъ. Изъ нихъ Агаповъ сейчасъ же покаялся и началъ выдавать. Онъ сообщилъ, что жилъ на одной квартирѣ со слесаремъ, Петромъ Степановымъ, подъ каковой фамиліей жилъ Лукашевичъ, и указалъ на чердакѣ дома, въ которомъ они жили, мѣсто,

гдѣ его товарищъ пряталъ свои книги. На чердакѣ былъ произведенъ обыскъ, и тамъ было найдено десять экземпляровъ революціонныхъ книгъ. Слесарь Степановъ оказался никѣмъ другимъ, какъ Лукашевичемъ, проживавшимъ по подложному виду. Вообще, у всѣхъ арестованныхъ оказались подложные виды, и всѣ они называли себя вымышленными именами; полиціи все-таки, въ концѣ-концовъ, удалось привести въ извѣстность настоящія фамиліи задержанныхъ.

Удалось выяснить также подробности дѣятельности каждаго изъ членовъ общины. Софія Бардина поступила работницей на фабрику Лазаревыхъ. Какъ показалъ мастеръ, Иванъ Юрсъ, туда пришли однажды двѣ дѣвушки и просили работы. Ихъ приняли. На другой день пришла только одна, Аннушка, и принесла паспортъ. Ее опредѣлили въ отдѣлочное отдѣленіе, и она работала, какъ слѣдуетъ, мирно, тихо. Потомъ ее перевели въ другое отдѣленіе, полегче. Разъ ночью, въ мужской спальнѣ, она стала книжку читать. Пришелъ приказчикъ и говоритъ: «Зачѣмъ ты, Аннушка, здѣсь? Мужикамъ нужно вставать въ 4 часа утра; имъ нужно отдохнуть». Прогналъ ее. На другой день Аннушка пожаловалась хозяину, что приказчикъ дерется. Хозяинъ сказалъ, что не позволитъ драться. Приказчикъ Петровъ объяснилъ, въ свою очередь, что онъ не дрался съ Аннушкой, но, замѣтивъ ее читающей книжку въ спальнѣ рабочихъ, приказалъ ей уйти. Такъ какъ она не слушалась, то онъ «вынужденъ былъ» взять ее за руку и вывести. Послѣ этой исторіи Бардина сказала, что не хочетъ больше оставаться на фабрикѣ и попросила расчета. Всего она оставалась на фабрикѣ Лазаревыхъ около пяти недѣль. Спустя недѣлю мастеръ Юрсъ замѣтилъ въ своемъ отдѣленіи толпу рабочихъ, которая, при его прибли-

женіи, разошлась. Юрсъ спросилъ, что у нихъ такое, но рабочіе отвѣтили, что ничего. Онъ ушелъ изъ мастерской, но сталъ за дверь въ темномъ коррпдорѣ, послѣ чего опять быстро вошелъ въ отдѣленіе. На этотъ разъ онъ увидѣлъ, что одинъ рабочій держитъ въ рукахъ какую-то книгу и читаетъ ее двѣнадцати рабочимъ, окружившимъ его.

Юрсъ отобралъ у рабочаго книгу, оказавшуюся «Хитрою механикою», и, не умѣя читать самъ, приказалъ одному рабочему читать ее. Отойдя къ окну, мужикъ сталъ читать. «Я думалъ сначала,—разсказывалъ мастеръ,—что онъ меня дурачитъ. Поэтому я перевернулъ нѣсколько листовъ и опять заставилъ читать. Вижу, что опять нехорошо. Перевернулъ еще нѣсколько листовъ, и мужикъ еще прочелъ».

Убѣдившись, что рабочій не сочиняетъ, а читаетъ, что напечатано, мастеръ рѣшилъ, что «эта книга нехорошая, она бунтъ учиняетъ», и доложилъ обо всемъ молодому Лазареву, но тотъ сталъ смѣяться и говорить, что рабочій, должно быть, дурачитъ его. Когда на фабрику пріѣхалъ самъ хозяинъ, старый Лазаревъ, и сынъ сообщилъ ему о происшествіи, онъ приказалъ принести себѣ книгу, но ея уже не оказалось: ее кто-то укралъ. Давали три рубля за доставку этой книги, но и это не помогло. Лазаревъ сообщилъ о случившемся въ жандармское управленіе, которое въ свое время и воспользовалось этимъ заявленіемъ.

Приблизительно въ томъ же обвинялась и Бети Каминская. 5-го февраля 1875 года на фабрику Носовыхъ явились двѣ дѣвушки и попросили работы. Посмотрѣвъ на нихъ, управляющій Мухановъ рѣшилъ, что онѣ къ работѣ не способны, и отказалъ имъ, но дѣвушки убѣдительно настаивали и просили дать имъ работу.

утверждая, что онѣ въ Москвѣ чужія и дѣться имъ некуда. Управляющій смягчился и принялъ ихъ на фабрику, предупредивъ, что работа тяжелая, грязная. По паспортамъ дѣвушки оказались: одна солдаткой Тамбовской губерніи, Маріей Красновой, другая—крестьянкой Костромской губерніи, Наталіей Волковой.

Спустя нѣсколько недѣль Волкова, уйдя съ фабрики въ воскресенье, возвратилась на работу только во вторникъ, что представляло серьезное нарушеніе фабричныхъ правилъ, въ виду чего управляющій, только ждавшій случая придраться къ новымъ работницамъ, разсчиталъ ее. Спустя нѣсколько недѣль и вторая работница явилась на работу не во-время, вслѣдствіе чего была разсчитана, проработавъ на фабрикѣ мѣсяцъ и десять дней.

Вскорѣ полиція сообщила управляющему, что на фабрикѣ неладно, что тамъ читаются противоправительственныя книжки. Управляющій произвелъ домашнее слѣдствіе. Выяснилось, что книжки читаютъ рабочій Ефимовъ и сторожъ Барышниковъ. Управляющій произвелъ у нихъ обыскъ, но ни у того, ни у другого не нашелъ ничего, только ему удалось узнать, что сторожъ незадолго до обыска сжегъ какую-то книгу. Этимъ и кончилась вся исторія. Работницы оказались: одна Каминскою, другая Ольгою Любатовичъ.

Что касается Джабадари, то противъ него не удалось собрать слѣдствію никакихъ серьезныхъ уликъ. Его компрометировало, главнымъ образомъ, показаніе рабочаго Баринова, говорившаго, что къ кружку, распространявшему революціонныя книги, принадлежали Васильевъ, Алексѣевъ и Джабадари, извѣстный подъ фамиліей Петрова. Скворцова показала также, что, когда на конспиративную квартиру, нанимаемую Васильевымъ,

былъ присланъ изъ Петербурга чемоданъ съ революціонными книгами, то Джабадари взялъ его и увезъ куда-то.

Немаловажною уликою противъ Джабадари служило также и то обстоятельство, что его арестовали вмѣстѣ со всею компаніею въ домѣ Корсакъ. Товарищи объяснили присутствіе тамъ Джабадари очень просто. Лѣтомъ 1874 года онъ познакомился за границей съ Бардиною. Встрѣтившись съ нею въ Москвѣ, онъ бывалъ у нея изрѣдка. Въ Москвѣ онъ думалъ поступить въ университетъ, но затѣмъ измѣнилъ свое намѣреніе и собирался ѣхать на Кавказъ. Такъ какъ у него не было денегъ, то онъ обратился къ Бардиной съ просьбою о займѣ. Она обѣщала занять ему 60 рублей, и за полученіемъ этихъ денегъ онъ и явился къ ней на квартиру, въ домъ Корсакъ. Кромѣ того, нѣсколько человѣкъ показали, что Джабадари ходилъ по трактирамъ, гдѣ собирались рабочіе, искалъ съ ними знакомства, угощалъ ихъ папиросами и чаемъ, хотя никто не видѣлъ, чтобы онъ раздавалъ имъ какія-либо книжки.

Исторія Лукашевича представляется въ такомъ видѣ. Уроженецъ Херсона, другъ Франжоли и Ваховскаго, онъ около двухъ лѣтъ не снималъ съ себя рабочаго костюма, не возвращался въ цивилизацію въ теченіе двухъ лѣтъ, работая на различныхъ фабрикахъ и заводахъ. Послѣ ареста Л. утверждалъ, что, не имѣя средствъ къ жизни, онъ занимался сначала перепиской, но, такъ какъ эта работа невыгодна и крайне непостоянна, то онъ рѣшился воспользоваться своимъ знаніемъ слесарнаго мастерства, пріобрѣтеннымъ въ технологическомъ институтѣ, и сталъ искать работы по этой части. Будучи студентомъ, онъ не могъ найти такого мѣста и потому былъ вынужденъ воспользоваться подложнымъ паспор-

томъ. Книги, найденныя на чердакѣ дома, въ которомъ онъ жилъ, принадлежатъ не ему.

Противъ Георгіевскаго жандармамъ такъ и не удалось собрать никакихъ уликъ. Онъ и не пропагандировалъ, и не ходилъ «въ народъ», и не раздавалъ книжокъ и, въ сущности, кромѣ проживательства по чужому виду и того факта, что онъ былъ арестованъ на конспиративной квартирѣ, его не удалось компрометировать ничѣмъ. Онъ даже содержался подъ стражею, главнымъ образомъ за упорное молчаніе, такъ какъ никакого обвиненія къ нему предъявлено не было.

Разгромъ конспиративной квартиры въ домѣ Корсакъ, произведенный 4-го апрѣля 1875 года, нанесъ сильный ударъ московской организаціи. Уцѣлѣвшіе члены общины и, главнымъ образомъ, Ольга и Вѣра Любатовичъ, Лидія Фигнеръ, Варвара Александрова и Александра Хоржевская, снова организовали въ Москвѣ администрацію общества, послѣ чего рѣшили перенести свою дѣятельность въ провинцію: въ Иваново-Вознесенскъ, Одессу, Кіевъ и Тулу. Это рѣшеніе было приведено въ исполненіе, и организація дѣйствовала еще около четырехъ мѣсяцевъ въ провинціи.

Въ началѣ августа служащій на фабрикѣ Зубкова въ Иваново-Вознесенскѣ, крестьянинъ Александръ Трухинъ, отобралъ у одного изъ рабочихъ книгу подъ заглавіемъ: «Сказка о четырехъ братьяхъ». Убѣдившись въ ея вредномъ направленіи и узнавъ, что книга получена отъ рабочихъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы и проживающихъ въ домѣ Кисина, Трухинъ донесъ обо всемъ полиціи.

Немедленно у подозрительныхъ рабочихъ былъ произведенъ обыскъ. Въ ихъ квартирѣ было найдено 245 экземпляровъ книгъ и газетъ, разныя письма и 253 руб. денегъ. Обыскъ не обошелся

безъ приключеній. Вокругъ дома собралась громадная толпа народа. Въ квартиру, гдѣ происходилъ обыскъ, явился хозяинъ дома, Кисинъ, «въ нетрезвомъ состояніи, сталъ шумѣть и вступать въ пререканія съ жандармами, и, когда его вывели, онъ вошелъ въ толпу и началъ разсуждать». Въ виду всего этого полицеймейстеръ счелъ нужнымъ, не составляя протокола, лицъ, задержанныхъ во время обыска, отправить подъ арестъ, а вещественныя доказательства опечатать и перенести въ полицейское управленіе. Во время обыска одна изъ задержанныхъ дѣвушекъ хотѣла проглотить какое-то письмо. Его у нея отобрали, но подскочила другая дѣвушка, вырвала его и сунула себѣ въ ротъ. Тутъ произошла свалка. На дѣвушку, оказавшуюся Александровой, бросились два жандарма и стали ее душить за горло. Ей на помощь поспѣшилъ Александровъ и отбилъ ее, но затѣмъ на него напало шесть жандармовъ, побили его и связали. Въ результатѣ у одного изъ жандармовъ оказался откушеннымъ палецъ, но записка была все-таки отобрана и пріобщена къ дѣлу.

Арестованными оказались: Лидія Фигнеръ, Варвара Александрова, Владиміръ Александровъ, Анна Топоркова, Екатерина Гамкрелидзе, рожденная Туманова, Семенъ Агаповъ и Иванъ Бариновъ. Послѣдніе два, это, именно, тѣ рабочіе, которые были задержаны въ Москвѣ, въ апрѣлѣ 1875 г., и своими показаніями компрометировали многихъ пропагандистовъ. Жандармы, считая ихъ только жертвами, вовлеченными въ революціонное дѣло агитаторами, отпустили ихъ послѣ московской исторіи на волю. Съ этихъ поръ эти люди стали самыми ревностными пропагандистами.

Разгромъ вознесенской общины доставилъ властямъ богатый матеріалъ, компрометирующій

многихъ лицъ. Особенно цѣннымъ для жандармовъ оказалось то письмо, изъ-за котораго произошла схватка между Александровымъ и жандармами. Оно было писано Здановичемъ Лидіи Фигнеръ, было помѣчено 19 іюля и гласило слѣдующее:

«Вы начинаете свое письмо словами: «Прежде всего», начнемъ и мы такимъ же манеромъ.

«Прежде всего, мы должны поставить вамъ на видъ, что вы имѣете неимовѣрныя претензіи, будто не знаете условій здѣшнихъ. Второе: напрасно силитесь вы доказать, что письмо ваше написано правильно, никакой чортъ его не пойметъ. Мы его хранимъ, какъ документъ. Мы не крючкотворцы и на этомъ покончимъ полемику съ вами, хотя, при желаніи, можно было бы найти многое, за что васъ выругать слѣдуетъ. Но Богъ съ вами,—прощаемъ.

«Пріѣхали отцы Михаила *) и Петьки **) Дѣло Михаила, какъ передавалъ отецъ, стоитъ очень хорошо: его, быть можетъ, выпустятъ на поруки подъ залогъ. Дѣло Петьки неизвѣстно. Отецъ поѣхалъ хлопотать въ Питеръ. Интересно, что не мы ихъ отыскали и познакомили другъ съ другомъ, а сами снюхались и разсказали каждый про свое горе другому. Оказалось, что они имѣютъ точки соприкосновенія и соединились. Мы думаемъ, что скоро составится кружокъ «отцовъ».

«Отыскали тетку, она сидитъ въ городской части. Написали письмо; она почему-то поблѣднѣла, разорвала его и бросила на полъ. Не знаемъ объясненія этой странности. Письмо писано рукою Вѣры.

«Дѣло Өедора будто бы подвигалось и было го-

---

*) Иванъ Джабадари.
**) Бетти Каминская.

тово, только прогнали служителя тюрьмы и сношенія прекращены...

«Я думаю скоро уѣхать по дѣлу о пути. Путь пропалъ: перехватили Гинцбуряты, т. е. устроили такимъ образомъ, что и книги должны провозиться черезъ нашъ путь. Нужно уничтожить подкопы. Вотъ каковы эти Гинцбуряты проклятые, а мы большіе дураки: довѣряемъ имъ, а они проводятъ насъ...

«Съ юга, вообще, неутѣшительныя вѣсти. Ив. Ал. и Соня наотрѣзъ отказались остаться въ Одессѣ и уѣхали въ Кіевскую губернію, въ деревню. Съ нимъ въ Одессѣ наши имѣли разговоръ, и онъ вышелъ изъ нашей организаціи, разошелся съ нами. Мотивируетъ это тѣмъ, что онъ прежде ошибался, думая, что возможна какая-нибудь организація. Сколько его ни убѣждали, онъ остался непоколебимъ, какъ скала. Поступилъ въ какую-то шайку, не признающую будто бы организаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ такой сильной централизаціей, что они не должны знать другъ друга, раздѣляются на разряды, какъ обыкновенно бываетъ. Изъ Одессы пишутъ, что насчетъ этой компаніи ходятъ неодобрительные слухи. Вообще, мы мало что понимаемъ въ этой комедіи. Это писали наши, а онъ самъ ничего объ этомъ намъ не писалъ, только мотивируетъ свой отъѣздъ изъ Одессы тѣмъ, что ему тамъ опасно оставаться, имѣя много знакомыхъ. Ерунда, тысячу разъ ерунда! Здѣсь что-то не ладно; узнаемъ, посмотримъ.

«Была Вѣра въ Тулѣ. Тульскіе ведутъ себя преступно. Огромное у нихъ знакомство среди рабочихъ и еще ни одной революціонной книги не читали имъ, «по осторожности», молъ. Хороша осторожность! Почва очень хорошая, сдѣлать возможно весьма многое, только нужно послать туда кого-либо болѣе энергичнаго, чѣмъ эти

разнообразные дѣятели, осторожные пропагандисты, осколки Ив. А—ва. Мы думаемъ, что Ольгѣ и Васютѣ не мѣшало бы туда переселиться, такъ какъ имъ положительно нельзя въ Одессѣ оставаться. Ихъ ищутъ, на нихъ сдѣланъ доносъ негодяемъ Зингеромъ. Вахтель по тому же доносу сидитъ.

«Надя нашла уже работу. Василію тоже обѣщали. Если только почему-нибудь нельзя Ольгѣ уѣхать въ Тулу, то придется отнять человѣка отъ васъ, въ виду, во-первыхъ, того, что тамъ огромное знакомство, а, во-вторыхъ, этого Злобина можетъ Ив. Ал. перетянуть. Тогда Тула ушла у насъ изъ рукъ, а этого нельзя дѣлать.

«Сапоговъ*) ниоткуда нѣтъ. Никакихъ вѣстей ни отъ саратовца, ни отъ Егора, а въ Тулѣ подавно: смѣнили писаря, есть новый, съ которымъ Злобинъ обѣщался поговорить, но Аллахъ вѣдаетъ, когда все это будетъ...

«Ѳеклуша вышла замужъ за князя Мутрука. Свадьба сыграна, отецъ доволенъ, обѣщалъ деньги, но теперь не имѣетъ на рукахъ, и то хорошо»...

Въ заключеніе шелъ рядъ политическихъ новостей. Сообщалось, что въ Сванетіи вспыхнулъ бунтъ, что возможно возстаніе на всемъ Кавказѣ, что въ Серпуховѣ, на фабрикѣ Коншина, бастовали рабочіе, требуя установленія воскреснаго отдыха, что въ Петербургѣ бастовали каменьщики и въ Тулѣ рабочіе казеннаго завода.

Другое письмо заключало не менѣе цѣнный матеріалъ для слѣдствія. Оно было помѣчено 26 іюля и начиналось жалобами на бездѣйствіе тульской общины и объясняло, почему московская администрація сочла нужнымъ отправить въ Тулу «Ивана».

(*) Паспортовъ.

«Какъ вамъ извѣстно, вездѣ недостатокъ людей, а больше всего скопилось народу въ Ив., такъ что меньше всего будетъ ущерба для дѣла, если отнять одного человѣка у Ив. На этомъ основаніи мы, было, порѣшили сдѣлать предложеніе Ив., чтобы они выслали одну изъ бабъ въ Тулу. Кажется, ничего здѣсь нѣтъ ужаснаго и никакого преступленія противъ родного человѣка? Не все только то приходится дѣлать, что пріятно: напримѣръ, Рыжему очень не хотѣлось ѣхать за границу, а, между тѣмъ, онъ поѣхалъ, когда дѣло того требуетъ. Мнѣ очень и очень не хотѣлось и не хочется сидѣть здѣсь и исполнять ваши глупые капризы и прихоти, а я сижу.

«Напиши, пожалуйста, Сашка, послала-ли ты денегъ саратовцамъ на сапоги или нѣтъ; отъ нихъ до сихъ поръ нѣтъ письма. Напиши, что дѣлать и какъ къ нимъ можно обратиться. Ты, кажется, забыла, что родить сапоговъ нельзя; ты знаешь, съ какимъ трудомъ они достаются, и потому мы не виноваты, что ихъ нѣтъ. Равно—навсегда говорю вамъ, что прихотей вашихъ исполнять не буду, а приказаній или требованій подавно. Не только свѣту въ окошкѣ. Что вы...

«Теперь относительно меня. Вамъ извѣстно, что я согласилась остаться въ администраціи только мѣсяцъ, да и въ программѣ сказано такъ, а сегодня—26 іюля, какъ разъ мѣсяцъ, такъ что я предлагаю, чтобы кто-нибудь изъ васъ замѣнилъ меня въ этой должности. Долго занимать эту должность я не хочу. Мнѣ кажется, что непріятныя должности должны падать равномѣрно на всѣхъ, а не на одного человѣка. Прошу мнѣ на это скорѣе отвѣтить. Дольше оставаться не хочу. Работать я, вѣроятно, поѣду въ Кіевъ. Вѣроятно, отъ васъ не потребуется человѣка въ Тулу, Ольга, должно быть, поѣдетъ туда. Сношенія съ заключенными идутъ своимъ чередомъ.

Завтра будетъ попытка къ освобожденію Федора».

Легко себѣ представить, какимъ цѣннымъ кладомъ оказались для властей вышеприведенныя письма. Изъ нихъ стало ясно, что существуетъ какое-то общество, центральный органъ котораго находится въ Москвѣ и отдѣленія въ провинціи, что между ними ведутся правильныя сношенія, что готовится какой-то побѣгъ изъ тюрьмы и т. д.

Что касается пропагандистовъ, задержанныхъ въ домѣ Кисина, то ихъ исторія, приблизительно, такая:

28-го мая 1875 года въ Иваново-Вознесенскъ прибыли и поселились на одной квартирѣ подъ вымышленными именами: Анна Топоркова, упомянутый выше рабочій Семенъ Агаповъ и сынъ статскаго совѣтника Владиміръ Александровъ. Агаповъ поступилъ на фабрику Зубкова, а Александровъ—Лопатина. Впослѣдствіи туда пріѣхали еще три дѣвушки, поступившія тоже на фабрику Зубкова, послѣ чего вся компанія переѣхала въ домъ Кисина.

Лица, жившія въ домѣ Кисина, старались не отличаться отъ жизни фабричныхъ. Они вмѣстѣ спали, женщины ходили босикомъ, въ простомъ платьѣ, сами носили себѣ воду, принимали у себя рабочихъ и угощали ихъ чаемъ. Плохо зная ткацкое ремесло, они пригласили къ себѣ ткача Михаила Широкова, съ просьбою обучить ихъ этому ремеслу. При посредствѣ Широкова они завели знакомства со многими рабочими, которые стали навѣщать ихъ. Въ домѣ Кисина образовался своего рода клубъ, гдѣ собирались рабочіе и за чашкою чая велись различные разговоры и споры, читались книги революціоннаго содержанія и запасались ими.

Между прочимъ, Агаповъ случайно познако-

мился съ помощникомъ слесаря желѣзнодорожнаго депо, Федоромъ Жарковскимъ, на котораго пропагандисты возлагали большія надежды. Оказалось, что онъ былъ знакомъ съ сыномъ генералъ-майора Шрейдеромъ, занимавшимся пропагандою во Владимірѣ, получалъ отъ него революціонныя книги и даже содержался въ тюрьмѣ по обвиненію въ участіи въ агитаціи Шрейдера. Пропагандисты уговаривали Жарковскаго поступить въ ихъ общество и собирались отправить его на свой счетъ въ Петербургъ или въ Тулу.

Жарковскій былъ тоже арестованъ во время разгрома иваново-вознесенской общины, но былъ сосланъ административнымъ порядкомъ до разбора дѣла остальныхъ своихъ товарищей.

V.

Арестъ Гамкрелидзе.—Первое вооруженное сопротивленіе.—Кардашевъ.—Казна «всероссійской организаціи». — Фиктивные браки. — Разгромъ кіевской и тульской общинъ. — Арестъ Здановича. — Сношенія арестованныхъ пропагандистовъ съ волею.

9-го августа 1875 года арестованные члены вознесенской общины препровождались въ Москву по желѣзной дорогѣ. Когда ихъ уже помѣстили въ вагонъ, то къ окну послѣдняго подошелъ какой-то прилично одѣтый господинъ и сталъ переговариваться знаками съ одной изъ конвоируемыхъ дѣвушекъ. Его сейчасъ же арестовали. Онъ оказался мужемъ одной изъ арестованныхъ, дворяниномъ Антимозомъ Евдовичемъ Гамкрелидзе.

Такъ какъ онъ жилъ въ Москвѣ, въ гостиницѣ «Украйна», то тамъ немедленно былъ произведенъ обыскъ, для чего былъ откомандированъ прапорщикъ московскаго жандармскаго дивизіона, Николай Николаевичъ Ловягинъ, явившійся въ гостиницу въ сопровожденіи помощника надзирателя 4-го квартала Арбатской части, Федорова, жандармовъ, полицейскихъ и понятыхъ. Обыскъ начался въ 5 часовъ вечера. Въ номерѣ Гамкрелидзе было найдено до 300 экземпляровъ книгъ предосудительнаго содержанія, три револьвера, изъ которыхъ два заряженные, и т. д.

Къ 9 часамъ вечера обыскъ былъ законченъ, и

Ловягину оставалось только подписать актъ, составленный имъ, какъ вдругъ дверь номера отворилась, и на порогѣ появилась дѣвушка, которая, замѣтивъ жандармовъ, бросилась назадъ и хотѣла убѣжать, но ее сейчасъ же задержали. Это была Вѣра Любатовичъ, по прозванію «волчекъ». Спустя нѣсколько минутъ туда явился Степанъ Мартыновичъ Кардашевъ, а вслѣдъ за нимъ еще и князь Александръ Циціановъ. Конечно, они оба были задержаны. Любатовичъ и Кардашевъ держали себя спокойно, но Циціановъ сталъ волноваться, требовалъ отъ жандармскаго офицера письменный приказъ объ арестованіи его, поносилъ производившихъ обыскъ бранью и т. д.

Окончивъ писать протоколъ, Ловягинъ поручилъ Федорову и полицейскимъ стеречь арестованныхъ, и самъ собирался отправиться въ жандармское управленіе за жандармами. Ему подали шинель, и онъ одѣвалъ ее, какъ вдругъ Циціановъ выхватилъ изъ кармана револьверъ. Грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой. Пуля просвистѣла мимо уха Ловягина такъ близко, что онъ почувствовалъ ожегъ. Онъ упалъ на колѣни, и на него повалился городовой, державшій шинель. Произошла суматоха. Нѣкоторые изъ понятыхъ и городовыхъ бросились бѣжать, но швейцаръ гостиницы, Галактіоновъ, и унтеръ-офицеръ штаба московской полиціи, Вдовинъ, кинулись на Циціанова, собиравшагося стрѣлять въ третій разъ. Произошла свалка. Циціановъ и старавшіеся обезоружить его упали на полъ, онъ пытался выстрѣлить еще разъ, но указательный палецъ правой руки попалъ подъ курокъ, и онъ долго не могъ освободить его.

На подмогу городовому и швейцару, отъ которыхъ Циціановъ яростно отбивался, бросился и надзиратель Федоровъ, но въ общей свалкѣ и онъ упалъ на полъ и очутился въ такомъ положеніи;

что ноги его находились подъ городовыми, а руками онъ держалъ стрѣлявшаго за руки. Этимъ моментомъ воспользовалась Вѣра Любатовичъ, бросилась на Федорова и, схвативъ его одной рукой за горло, другой за шею, старалась задушить.

Борьба продолжалась недолго. Цицiанова повалили на полъ и начали вязать, отнявъ у него револьверъ. Тогда и Любатовичъ оставила Федорова. Послѣднiй сталъ обыскивать кн. Цицiанова, бранившагося все время, и вынулъ изъ кармана его брюкъ небольшой складной ножикъ.

— Очень радъ, что убилъ собаку,—кричалъ въ это время Цицiановъ,—жалѣю, что не убилъ тебя. Этотъ ножикъ былъ предназначенъ для этого. Впрочемъ, еще не уйдешь, будетъ тебѣ тоже.

Въ этотъ день московскихъ пропагандистовъ преслѣдовалъ какой-то рокъ. Не успѣлъ прапорщикъ Ловягинъ доложить по начальству о своемъ приключенiи въ номерѣ «Украйна», пришли одно за другимъ еще три лица: Евгенiя Субботина, Михаилъ Овчинниковъ и Иванъ Рождественскiй.

На слѣдующiй день былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ князя Цицiанова, проживавшаго въ домѣ гр. Толстой. Тамъ былъ найденъ еще одинъ револьверъ большого калибра, цѣлый складъ книгъ революцiоннаго содержанiя, фальшивые виды на жительство, много женскаго платья и въ томъ числѣ: четыре дамскiя шляпки, вѣнчальные цвѣты въ коробкѣ, розовая тафта для подножекъ при бракѣ, икона Божiей Матери въ серебряной ризѣ и т. д. Власти, конечно, догадались, что всѣ эти вещи не могли принадлежать одному кн. Цицiанову и, такъ какъ дознанiемъ было установлено, что квартиру въ домѣ кн. Толстой посѣщали и имѣли отъ нея ключи: Вѣра Любатовичъ, кн. Цицiановъ и Цвилиневъ, то, на основанiи этого, власти пришли къ заключенiю, что

тамъ помѣщалась администрація организаціи и что Вѣра Любатовичъ, кн. Ципіановъ и Цвиленевъ составляли управленіе.

Арестованный во время обыска у Гамкрелидзе Кардашевъ заявилъ жандармамъ, что у него на квартирѣ остался значительный денежный капиталъ. Вслѣдствіе этого и у Кардашева, именовавшагося тогда, впрочемъ, кн. Кочкидзе, былъ произведенъ обыскъ, причемъ у него было найдено: 8,545 руб. кредитными билетами и билетъ петербургскаго учетнаго банка на имя Тумановой въ 1,100 руб. Явилось предположеніе, что удалось захватить и казначея, и казну организаціи.

Кардашевъ былъ землякъ и пріятель Чекоидзе. Они вмѣстѣ учились въ школѣ межевщиковъ въ Тифлисѣ. Кардашевъ, окончивъ курсъ, поступилъ на службу, но, по прошествіи трехъ лѣтъ, оставилъ ее въ чинѣ коллежскаго регистратора. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ отъ братьевъ, раздѣлившихъ доставшееся имъ по наслѣдству, 3,500 руб. и рѣшилъ поѣхать за границу учиться. Такъ какъ Цюрихъ уже пользовался репутаціей безпокойнаго города, то родные взяли у Кардашева слово, что онъ не поѣдетъ туда. Онъ исполнилъ свое обѣщаніе и поѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ поступилъ въ тамошнюю политехническую школу и усердно занимался изученіемъ нѣмецкаго языка и наукъ.

Въ концѣ 1874 года Кардашева навѣстилъ его товарищъ и другъ Чекоидзе, возвращавшійся изъ Парижа въ Россію. Онъ пригласилъ Кардашева къ себѣ въ Москву, и въ февралѣ 1875 года Кардашевъ собрался въ Россію посмотрѣть городъ. Онъ пріѣхалъ какъ разъ въ то время, когда вырабатывался уставъ «всероссійской организаціи» и когда московско-швейцарскій кружокъ началъ агитацію среди рабочихъ. Какое участіе

принималъ въ этомъ дѣлѣ Кардашевъ—точно не установлено, но къ моменту разгрома администраціи, помѣщавшейся въ домѣ Корсакъ, онъ успѣлъ возвратиться въ Дрезденъ. По одной версіи, онъ уѣхалъ до разгрома, по другой, поспѣшилъ скрыться изъ Москвы какъ только начались аресты.

Въ концѣ іюня 1875 года Кардашевъ опять появился въ Москвѣ, и показаніями швейцаровъ и прислуги удалось установить впослѣдствіи, что онъ часто посѣщалъ Гамкрелидзе и Любатовичъ.

Собственно, никакихъ другихъ обстоятельствъ, компрометирующихъ Кардашева, выяснено не было, но власти были твердо увѣрены, что деньги, захваченныя у Кардашева, составляютъ собственность организаціи. Удалось установить, что Кардашевъ ѣздилъ въ Тулу и Орелъ, но главною уликою противъ арестованнаго послужила его собственная записная книжка, въ которой значились такіе расходы: Санчо 15 руб., Санчо 25 р., Волч. 20 руб., Гамкѣ 15 руб., свадьба 41 руб. Такъ какъ все это были имена пропагандистовъ, прекрасно извѣстныя жандармамъ, съ другой же стороны, было извѣстно, что фиктивные браки устраиваются очень часто между пропагандистами, то и явилась увѣренность, что деньги, захваченныя у Кардашева, общественныя, и что онъ записывалъ расходы, производимые имъ за счетъ общества.

Кардашевъ далъ относительно денегъ, найденныхъ у него, довольно неправдоподобныя объясненія. Онъ утверждалъ, что часть ихъ принадлежитъ лично ему, что же касается другой части, то ея происхожденіе такое: узнавъ, что его товарищъ и другъ Чекоидзе арестованъ, онъ немедленно собрался въ Россію, чтобы хлопотать объ его освобожденіи и въ случаѣ, если это ока-

жется возможнымъ, вносити за него залогъ. Поэтому онъ обратился къ одной личности, которая и дала ему нужную сумму денегъ. Называть этой личности онъ не желаетъ. Юридически деньги принадлежатъ ему, нравственно онъ обязанъ употребить ихъ для извѣстной цѣли.

Что касается банковаго билета Гамкрелидзе, урожденной Тумановой, на 1,100 руб., то Кардашевъ такъ объяснилъ его нахожденіе у себя. Билетъ получила въ приданое Туманова, выходя замужъ за Гамкрелидзе. Послѣднему понадобились деньги, и онъ попросилъ Карташева занять ему ихъ подъ залогъ билета. У нихъ было такое условіе, что разъ Гамкрелидзе не будетъ въ состояніи возвратить занятыхъ денегъ, то билетъ поступаетъ въ собственность Кардашева.

Случай, доставилъ въ руки властей новый матеріалъ, служившій неоспоримымъ доказательствомъ, что деньги Кардашева принадлежатъ организаціи. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его задержанія, во время одного изъ обысковъ, попали въ руки полиціи письма, писанныя Кардашевымъ изъ тюрьмы на Кавказъ, роднымъ. Письма эти какими-то путями проскользнули незамѣченными черезъ всѣ тюремныя инстанціи и были захвачены въ моментъ, когда ихъ предполагали отправить изъ Москвы на Кавказъ. Въ одномъ изъ писемъ были такія слова:

«Полагаютъ, что эти деньги кружковыя, членскія... Теперь вся суть въ томъ, чтобы найти человѣка, который взялся бы сказать, что это его деньги, что онъ мнѣ ихъ далъ... Спасите деньги, хотя чужія для васъ, но для меня это деньги дорогихъ мнѣ людей».

Кардашевъ, сидя въ тюрьмѣ, придумалъ планъ спасенія денегъ. Онъ написалъ роднымъ заднимъ числомъ письма, прося занять ему 9,000 рублей для какихъ-то коммерческихъ оборотовъ, выдалъ

на ихъ имя векселя, но вся переписка, приготовленная и обдуманная столь старательно, попала въ руки властей вмѣстѣ съ упомянутымъ выше письмомъ.

Какимъ образомъ московской организаціи удалось собрать этотъ капиталъ, такъ и осталось точно не выясненнымъ. Правда, въ числѣ членовъ общины были дѣвушки состоятельныя, какъ, напримѣръ, Субботина, но трудно допустить, чтобы онѣ жертвовали на общее дѣло столь большія средства. Жандармское управленіе объяснило происхожденіе капитала такимъ образомъ: общинники женились на состоятельныхъ дѣвушкахъ, заключая съ ними фиктивныя браки, получали приданое и передавали его въ общую кассу. Этой гипотезой объяснялось легко происхожденіе банковаго билета Тумановой, но какимъ образомъ удалось составить еще 8 тыс. рублей, осталось невыясненнымъ. Жандармское управленіе, впрочемъ, настаивало на томъ, что единственнымъ источникомъ для полученія пропагандистами средствъ были фиктивные браки.

Въ доказательство приводилось письмо, найденное у одной изъ арестованныхъ, въ которомъ какая-то неизвѣстная дѣвушка говорила, что не можетъ получить денегъ до выхода замужъ, а потому просила найти ей охотника, который согласился бы «продѣлать эту комедь». Предполагалось также, что Хоржевская, сочетавшаяся фиктивнымъ бракомъ съ княземъ Циціановымъ, получила значительное приданое, но этотъ фактъ ничѣмъ не подтвердился, и отецъ Хоржевской заявилъ категорически, что далъ своей дочери наличными всего только 200 руб. Здѣсь, кстати, нельзя не замѣтить, что женился на Хоржевской не кн. Циціановъ, но молодой человѣкъ, предъ-

явившій паспортъ и другіе документы Ципіанова и самъ исчезнувшій, неизвѣстно куда.

Хотя разгромъ иваново-вознесенской общины и далъ опредѣленныя указанія на то, что въ Тулѣ и Кіевѣ существуютъ революціонныя общины, но этихъ указаній оказалось недостаточно для московскаго жандармскаго управленія. Въ Тулѣ былъ арестованъ только одинъ Иванъ Злобинъ, сынъ коллежскаго асессора, служившій простымъ рабочимъ на Тульскомъ оружейномъ заводѣ и распространявшій революціонныя книги между рабочими, но его арестъ не повлекъ за собою новыхъ арестовъ и не далъ жандармамъ никакихъ указаній.

7-го сентября 1875 г. явился къ тульскому полицеймейстеру рабочій Василій Ковалевъ и заявилъ ему, что лѣтомъ нынѣшняго года познакомился въ Кіевѣ, гдѣ служилъ рабочимъ на сахарномъ заводѣ, съ членами тайнаго общества, желающаго возбудить народъ къ бунту. Они убѣдили его поступить въ ихъ общество, снабдили его деньгами на дорогу и отправили въ Тулу, гдѣ онъ распространялъ революціонныя книги вмѣстѣ съ проживающими тамъ пропагандистами. По указаніямъ Ковалева были арестованы: Ольга Спиридоновна Любатовичъ, бывшій воспитанникъ кіевской военной гимназіи Григорій Петровичъ Сидорскій и рабочіе Фетисовъ, Едуковы и Кураковъ.

Вскорѣ послѣ разгрома тульской общины дошла очередь и до кіевской. Первымъ дѣломъ былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ акушерки Геси Мироновны Гельфманъ, письма которой были найдены у Любатовичъ въ Тулѣ. Обыскъ не обнаружилъ ничего предосудительнаго, и Гельфманъ оставили пока въ покоѣ, но за квартирою ея былъ учрежденъ надзоръ. Спустя нѣсколько дней въ квартирѣ Гельфманъ былъ устроенъ вто-

рой обыскъ, и на этотъ разъ тамъ удалось задержать отставного подпоручика Михаила Федоровича Воронкова, дворянина Мартына Александровича Млодецкаго и княгиню Александру Сергѣевну Циціанову, урожденную Хоржевскую, и, кромѣ того, нѣсколько писемъ и документовъ, давшихъ возможность арестовать и остальныхъ членовъ кіевской общины: техническаго мастера 1-го разряда кіевскаго артиллерійскаго полигона Александрова и рабочаго Острова. Впрочемъ, никакихъ данныхъ, особенно компрометирующихъ кіевскую общину, выяснено не было. Неизвѣстно даже, занималась-ли она распространеніемъ революціонныхъ книгъ.

Въ сентябрѣ 1875 года произошелъ случай анектодическаго характера, отдавшій въ руки правительства всѣ нити московской организаціи. Изъ Кишинева были высланы черезъ Харьковъ въ Москву три тюка революціонныхъ книгъ, подъ именемъ кожевеннаго товара. Въ Харьковѣ артельщики вскрыли одинъ тюкъ, украли товаръ и замѣнили его всякимъ хламомъ. Правда, они ошиблись въ своихъ расчетахъ и, вмѣсто кожъ, получили книги, но, не смущаясь этимъ, они преспокойно распродали ихъ торговцамъ. Можно себѣ представить, какая суматоха поднялась въ Харьковѣ, когда тамъ, чуть-ли не на всѣхъ перекресткахъ, стали продаваться по дешевой цѣнѣ заграничныя революціонныя изданія. За дѣло принялись немедленно жандармы, извѣстивъ, прежде всего, по телеграфу Москву, что туда прибудутъ три ящика революціонныхъ книгъ, вѣсомъ 3 пуда 13 фунтовъ, по квитанціи на предъявителя.

На товарной станціи Московско-Курской дороги была устроена засада, въ которую попалъ человѣкъ, явившійся за полученіемъ кишиневскаго транспорта. Имъ оказался Георгій

Феликсовичъ Здановичъ, по прозванію «Рыжій», пріѣхавшій только-что изъ Кишинева. Въ тюкахъ оказалось около двухъ съ половиною тысячъ экземпляровъ революціонныхъ книгъ. Здановичъ проживалъ подъ фамиліей Вернера. Въ его номерѣ былъ найденъ экземпляръ устава «всероссійской организаціи», явившійся самой убѣдительной уликой къ обвиненію всѣхъ пропагандистовъ 1875 года. Въ номерѣ Вернера было найдено также нѣсколько бутылокъ съ краскою для волосъ, у задержаннаго же вскорѣ измѣнился цвѣтъ лица, и изъ брюнета онъ сдѣлался рыжимъ.

Хотя къ осени 1875 года разгромъ московской организаціи казался законченнымъ, но все-таки кое-кто изъ членовъ ея оставался на свободѣ, занимаясь уже не пропагандою, но устройствомъ побѣговъ арестованныхъ и обдумываніемъ средствъ для облегченія участи арестованныхъ. Предполагалось, путемъ подбора документовъ и свидѣтелей, доказать непричастность къ дѣламъ организаціи тѣхъ или другихъ лицъ, но въ дѣйствительности вся эта работа только увеличила компрометирующій матеріалъ, бывшій и безъ того въ рукахъ властей.

Такъ, 1-го декабря въ хлѣбѣ, принесенномъ Надеждою Георгіевскою брату ея, содержавшемуся въ домѣ для арестуемыхъ при Сущевской части г. Москвы, была найдена шифрованная записка, не заключавшая, въ сущности, никакихъ особенно важныхъ свѣдѣній, но это обстоятельство послужило поводомъ для производства обыска въ квартирѣ Георгіевской. Послѣдняя жила вмѣстѣ съ Введенскою, и у нихъ были найдены письма и документы, изготовленные Кардашевымъ и назначенные для отправки на Кавказъ. Эти документы окончательно погубили Кардашева. Въ квартирѣ Георгіевской былъ за-

держанъ также Сбромирскій, уличенный впослѣдствіи въ пропагандѣ среди московскихъ рабочихъ.

Вообще, аресты лицъ, причастныхъ къ московской организаціи, производились непрерывно до конца 1875 года. Были арестованы сестры Субботины, Батюшкова, Цвилиневъ, Бѣляевскій, Овчинниковъ и, въ концѣ-концовъ, число арестованныхъ достигло 50 человѣкъ.

Нельзя не отмѣтить особенную настойчивость, съ какой члены организаціи, остававшіеся на свободѣ, старались сноситься съ товарищами, заключенными въ тюрьму. Какими путями имъ удавалось сноситься съ ними, выяснено лишь отчасти, но записки, найденныя во время различныхъ обысковъ, свидѣтельствуютъ, что эти сношенія носили характеръ почти правильной корреспонденціи.

Посредниками между заключенными пропагандистами и ихъ товарищами на свободѣ были по преимуществу тюремные смотрители и нижніе чины. Одинъ жандармъ былъ даже сосланъ въ Сибирь за то, что доставлялъ арестованнымъ письма. Въ концѣ-концовъ, пропагандистамъ не удалось устроить ни одного побѣга.

ИСТОЧНИКИ.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). — «Народники-пропагандисты 1873 78 годовъ». Изданіе Розенфельда. Петербургъ, 1907.

Б. Базилевскій (В. Богучарскій). — «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ». («Русская историческая библіотека», № 6).

Онъ же.—«Процессъ «193-хъ». «Русская историческая библіотека», № 7).

А. О. Лунашевичъ.—«Въ народъ». («Изъ воспоминаній семидесятника»). «Былое», №№ 3—5.

Вл. Дебогорій-Мокріевичъ. — «Воспоминанія». Петербургъ, 1906.

В. В. Каллашъ.—«Рѣчи и біографіи». Москва, 1907 г.

